

Валерий Гаевский

ФАРЦОВЩИК

часть вторая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Гаевский

Фарцовщик. Часть вторая

«Автор»

2023

Гаевский В. В.

Фарцовщик. Часть вторая / В. В. Гаевский — «Автор», 2023

"Фарцовщик" - повесть о молодежи, любви, мечтах и жизни в советское время. Герои повести хотели бы быть не хуже парней с Запада, им тоже хотелось быть богатыми, ездить на дорогих автомобилях? иметь престижные квартиры, красивых жен и любовниц. Уже тогда парни 70-х годов напрягали весь свой интеллект и пытались сколотить свой капитал, когда нынешние олигархи еще ходили под столом. На протяжении всей повести читателю будет интересно следить за действиями главных героев и переживать через их эмоции и ощущения, то время и ту эпоху, которая никогда не вернется. Содержит нецензурную брань.

© Гаевский В. В., 2023

© Автор, 2023

Валерий Гаевский

Фарцовщик. Часть вторая

На следующий день, двигаясь от метро «Пушкинская» к институту Африки, Дима, ощутил первые запахи весны. Как то для себя, не объяснимо, он почувствовал, что зима заканчивается. В воздухе, в природе, в атмосфере, наметились едва, заметные штрихи, приближающейся весны. И хотя на календаре было пятое февраля, Дима чувствовал, что зиме конец. « Скоро, очень скоро, побегут ручьи, и как там, у классиков..., и лес оденется листвою». Почему мы так любим весну? Ну, ничего в ней хорошего нет. Авитаминоз, сил нет, энергии в теле мало. То холодно, то жарко, погода ни как, не может установиться. Ветер поднимает пыль, вся скопившиеся грязь за зиму, теперь видна на улице, и дворники едва справляются с ее уборкой. Появляется аллергия, нос не дышит, глаза чешутся... И не смотря на все это, мы продолжаем любить весну. Мы так ее ждем, как влюбленный юноша свою любимую девушку. С замиранием в сердце, с придыханием, с ощущением новой жизни, новой радости. Потому что весна, это победа жизни над смертью, вот, наверное, почему, мы так любим весну.

При входе в институт, Дима столкнулся с Галиной Ивановной, она как всегда была очень хороша. Эта ее бесконечно обвораживающая улыбка, блуждающая на лице, ее пухлые сексуальные губы, ее зеленые, с поволокой глаза, и ее голос, от которого Диму всегда бросало в дрожь.

– Привет Глинский. – Опять опаздываешь на работу, опять проспал, потому что ночью с девчонками забавлялся, да?

Дима сразу отреагировал, правда про себя, – «живет с одним, любит другого, но почему то меня ревнует к каким- то девчонкам, что ей то, до этого?».

– Привет Галя. Да немного опаздываю, но ты тоже вроде опаздываешь.

– Я начальница, поэтому могу и задержаться, – отвечала она, улыбаясь во весь рот.

Потом, вдруг, ее лицо сделалось озабоченным, что чрезвычайно редко бывало у Галины Ивановны.

– Слушай Глинский, мне надо с тобой поговорить, – и теперь ее лицо, выражало таинственность. – Зайди ко мне через час в спецхран. Я тебя очень прошу.

Дима кивнул и поспешил на свое рабочее место в отдел документации и научной информации института Африки Академии наук СССР.

Дима зашел к Гали в спецхран, не через час, а через три, ближе к обеду.

– О Дим отлично, что пришел. Подожди меня пять минут, я сейчас «секретный» материал по папкам разложу, и пойдем с тобой пообедаем.

Пока Галя разбирала и раскладывала материал по папкам, внимание Димы, привлёк старший научный сотрудник Филонов, который вдруг заерзал на стуле, закашлял, покраснел и вдруг завалился со стула, на котором сидел и упал лицом на пол. Все сидящие в спецхране повскакали со своих мест, закричали, заволновались, Галя бросила свою работу и подбежала к лежащему. Присела к нему, взяла его за руку, тихо спросила, –« Марк Юльевич, вы живы?». Марк Юльевич, был жив, он специально разыграл номер, что ему плохо. Он лежал на полу, склонив голову на бок, и ему открывался великолепный вид на удивительно стройные ноги Гали, на ее обворожительные бедра под клетчатой плотной юбкой, которая задралась выше колен и открывала прелести Галины Ивановны до самых трусиков в крупный горошек. Марк Юльевич, был старым, хитрым ловеласом, который терпеть не мог молодых людей, крутившихся рядом с его объектом почитаний. Особенно его раздражал этот плотный, крепкий, уверенный в себе парень, по имени Дмитрий. Марк Юльевич продолжал лежать на полу и про себя хитро улыбаться, –« ах, как классно я придумал, и Галину Ивановну всю рассмотрел и испортил этому наглому парню, время провождение с Галей в обеденный перерыв».

Действительно испортил Диме настроение, потому что, Марк Юльевич, продолжал лежать на полу (ему отсюда лучше было видно), изображая, что ему совсем плохо. Поэтому Галина Ивановна начала звонить по телефону и вызывать скорую помощь, Дима, почувствовал, что Филонов блефует и пытался это объяснить хозяйки спецхрана. Где там, Галя фыркнула и сказала ему, что он бессердечный и что не хорошо думать так про людей, которые находятся в преклонном возрасте. Дима разозлился и ушел обедать один, только к вечеру они опять встретились в темном переходе из одного крыла института в другой.

– Ну, что, – ехидно спросил Дима, столкнувшись с Галей в переходе, – ожил твой Филонов, или скорая, увезла?

– Дим, давай не будем юродствовать над больными людьми. Всякое бывает в жизни. Наша задача помочь человеку, а там Бог его рассудит. На самом деле упал, или так, пошутил.

Дима сразу успокоился, и спросил Галю.

– Ты хотела о чем-то со мной поговорить?

– Дим, хочу с тобой посоветоваться.

– Валяй, советуйся.

– Тут Андрей мне хочет купить дубленку... Дима опять взорвался.

– А я твой муж что ли..., и ты хочешь спросить у меня, брать такой подарок от Андрея, или не брать, в конце зимы..., так?

– Ну, подожди ты, перебивать меня, вопрос не в том брать или не брать, а как то это странно выглядит. – Вот представь, у тебя есть любимая девушка, и ты ей хочешь подарить дубленку...

– В конце зимы...

– Ну, хватит валять дурака. Если ты мне друг, то помоги мне советом... и дослушай до конца

– Ладно, извини, рассказывай.

– Так вот, подарить дубленку. Ты наверное, ее (дубленку) просто купишь и подаришь своей девушки, так?

– Ну, как-то так.

– А Андрей мне говорит, давай тебе купим дубленку, но денег на покупку в полном объеме в данный момент нет. Поэтому ты займи в кассе взаимопомощи рублей двести, а я добавлю рублей сто, и мы тебе покупаем дубленку. А дней через десять, может быть через двадцать, я тебе отдам двести рублей, и ты их вернешь в кассу взаимопомощи. А то на улице холодно, а ты, легко одета, можешь простудиться. Вот я и задумалась, Дим, поступать мне так или не надо.

У Димы, в голове сразу пронеслась мысль, что Андрей, опять затеял какие-то маневры.

– «Что у него нет трехсот рублей для любимой девушки? Наверняка есть, только он со своей жадностью совсем одурел. Предлагать такой дурацкий вариант, своей любимой, какая-то, хрень?». Но, он Галине Ивановне, этого ни чего не сказал, а сказал следующее, – «что наверное у Андрея сейчас финансовые трудности, и если Галя хочет, то может пойти на такой вариант».

– Дубленку ведь тебе иметь хочется, поэтому соглашайся.

Дима никак не мог сказать ей, – «что Андрей козел, и что он, бедную Галину Ивановну заставляет купить себе дубленку в кредит, и что наверняка, Гали придется отдавать эти двести рублей в кассу, самой, притом всю жизнь. «Зачем ее расстраивать, мечты и иллюзии, тоже являются движущей силой нашей жизни».

– Спасибо Дим, а то я не знала..., с кем посоветоваться.

Через несколько дней, Галина Ивановна пришла на работу в модной дубленке. Девки в отделе заохали, заахали. «Какая классная вещица, как он тебе идет, это твой подарил...? Вот настоящий мужик, не то что некоторые...». И все сотрудники отдела, почему то, дружно посмотрели на Диму. А Дима молчал. Он молчал, потому что знал больше чем они, он молчал,

потому что ему было очень «больно» за Галю, и потому что... , он был тайно влюблен в Галину Ивановну, но об этом не знал ни кто, даже себе он не мог признаться. Часто, очень часто, приезжая после работы на Кантемировскую, он сидел грустный на кухне и задавал себе вопрос, -« почему, он, так себя повел, когда начал понимать, что он любит Галю, мечтает о ней, хочет ее, всеми фибрами своей души... , и развелся со своей женой, тоже из-за нее, и совсем Ляля здесь ни причем... . А потом взял, и своими руками отдал ее, какому-то Андрею. Зачем, почему? Да, пути Господни неисповедимы».

Потихоньку пригревало Солнце, дни становились длиннее, настроение улучшалось. Дима упорно работал над диссертацией. « Что я хуже других. Вон, вчерашний студент, Пашка Сидоров, на десять лет младше меня, раз и защитил диссертацию, а я, выходит, не могу? Нет, я тоже могу, и я докажу себе, Галине Ивановне, всем, что я тоже «не лыкам шит».

Через две недели «страшного напряжения» в работе над кандидатской, Дима начал уставать и мысли пошли другого порядка. « На хрен, я так колочусь, что эта диссертация мне даст, лишнее пятьдесят рублей доплаты в месяц? Эти деньги можно заработать..., скажем, через Андрея». В это время, в дверь раздался звонок. На пороге стоял, загорелый, с хитрым прищуром в глазах Андрей.

– Извини старик, что к тебе, без звонка заскочил. Просто, ты мне нужен, по зарез.

– Собирайся, диссертацию вечером допишешь. Сейчас с тобой поедем на Курский вокзал, заберем кое – какое барахлишко. – Собирайся быстрее..., что ты на меня недоуменно смотришь. Плачу двадцать пять рублей, давай поехали...

По дороге молчали, только подъезжая к Курскому вокзалу, Дима спросил, -« как твои дела идут.. ?»

– Дела идут отлично. В Епархии , мне подняли зарплату..., теперь я получаю пятьсот рублей в месяц... Дима чуть не закричал во все горло, – « мол, сука, ты поганая, получаешь пятьсот рублей, а Галина Ивановна по двадцать рублей отдает в кассу взаимопомощи за дубленку, которую ты ей «подарил». Лицо его побелело, а правая рука так сжала держатель над дверью, что начали вываливаться шурупы, которыми она была привинчена.

На вокзале их ждал грузовик с молоденьким шофером в кабине, и большое количество, выгруженных из багажного вагона ...унитазов. Дима почесал затылок. А Андрей уже отдавал команду.

– Так, Миша, мы приехали. Вылезай из машины, тоже будешь помогать.

– Но мне сказали..., только отвезти груз.

– Я плачу тебе деньги за погрузку тоже. Давай вылезай и быстро начали грузить, а то уже темнеет.

Миша и Дима начали грузить унитазы в грузовик, Андрей сначала тоже помогал, потом сказал, « что ему надо позвонить», и ушел в сторону главного входа вокзала. Унитазы были тяжелые. Миша стоял в кузове и укладывал их, а Дима подавал. Через час работы от них валил пар, но унитазы не кончались. Через два часа погрузки, они ели стояли на ногах, но все еще, оставалось погрузить три унитаза. Появился Андрей, и как ни в чем, не бывало, сказал, – « мол, медленно работаете, пацаны, уже стемнело, а унитазы до сих пор не погружены». Дима и Миша мрачно посмотрели на него, и он тут же прикусил язык и начал помогать грузить оставшиеся унитазы на грузовик. Когда работа была закончена, Миша и Дима сели в кабину грузовика, а Андрей в свою машину, но прежде чем тронуться в путь, Андрей вдруг выскочил из своей машины, подбежал к грузовику и замахал руками.

– Дим, я тебя попрошу ехать в кузове, а то вовремя пути, вдруг унитазы побьются, груз, дорогой... – А тебя, я, Миша, попрошу ехать не быстро..

–Андрей, в кузове мне будет холодно, ты же не сказал, что надо одеться потеплее...

–И что ты предлагаешь, чтобы я ехал в кузове..., что бы я бросил автомобиль здесь..., на вокзале..., и чтобы мне все колеса..., шпана свинтила?

.....

–А... видишь, молчишь. Давайте, поехали, нам эти унитазы, еще разгружать нужно.

Но, Дима, продолжал стоять рядом с грузовиком и не торопился лезть в кузов.

– Дим, ну что стоишь, давай поехали...

Вдруг Дима, неожиданно для Андрея, и еще более неожиданно для себя, мрачно сказал. –«Еще добавляешь двадцать рублей..., притом... всю сумму сейчас..., и тогда едем...» И пока Андрей пережевывал его фразу в голове, добавил, еще более мрачно, – «.. если не договорились..., то я пошел, сам разгружай, свои гребанные унитазы». И он сделал движение в сторону вокзала, где был вход в метро.

–Дим, – заверещал Андрей, – но это грабеж. За погрузку нескольких унитазов, ты просишь сорок пять рублей..., это просто грабеж. А еще другом называешься.... Дима сделал два шага в сторону метро.

– Хорошо, я готов тебе доплатить пять рублей.... Дима еще сделал шаг.

– Ты видимо не понимаешь, – продолжал кричать Андрей, – что тридцать рублей, это серьезные деньги, даже для меня, а ты просишь сорок пять. Где тебе заплатят в день столько?!

Но Диму уже понесло. Он, конечно, понимал, что Андрей прав, что тридцать рублей в день, это очень хорошие деньги. Но, он, уже не мог остановиться. « Если я, – стучало у него в голове, – соглашусь на его условия, если я сейчас дрогну, то я перестану уважать самого себя.... Стоять Глинский. Стоять» ! Он резко повернулся к Андрею, сделал несколько шагов к нему, и в упор (как из тяжелого пистолета) «выстрелил» ему в лицо. « Только, сорок пять рублей. Ты понял! Сорок пять рублей!» И тут Дима увидел (он прежде, никогда не видел), что лицо Андрея, сморщилось, как у пластилиновой куклы. Он весь как то поник, и совершенно не походил на себя. Он перестал быть Андреем, – наглым и уверенным, жестким и ехидным. Он стоял перед Димой, совершенно растерянным и подавленным. И Дима видел, что в его голове идет напряженная работа, для выхода из данной ситуации, и он видимо, не находил выхода. «А, – наблюдая за лицом Андрея, злорадно думал Дима, – не все коту масленица». Через три минуты напряженных размышлений, Андрей выдавил из себя.

– Хорошо, я согласен.

Он, конечно, не был согласен с наглым нажимом Димы. Но представляя, как через час езды по ночной Москве, он будет в районе Марьяной рощи , с шафером разгружать эти чертовы унитазы...

– Я согласен. Поехали.

–Деньги. Сорок пять рублей , мне, сейчас...

– Но, Дим, это уже слишком, – пытался еще бороться и юлить Андрей. – Ты, что мне не доверишь?

– Доверяю. Поэтому деньги сейчас и сразу. Эти, твои, сорок пять рублей, меня в кузове греть будут.

Андрей тяжело вздохнул и полез в карман своей модной куртки. Достал пачку денег и отошел к фонарю, через минуту вернулся, и протянул пятьдесят рублей Диме.

– С тебя сдача, пять рублей. Дима быстро взял «полтинник» и небрежно, в стиле Андрея сказал.

– Старик, пять рублей за мной. Завтра отдам.

Потом они долго ехали по ночной Москве в сторону Марьяной рощи. Потом они долго разгружали грузовик и при разгрузке, никто ни с кем не разговаривал. Потом Дима на такси ехал на Кантемировскую, чудовищно уставший, но очень довольный собой, что он, наконец, дал отпор наглому Андрею. На Кантемировской улице, Дима расплатился с таксистом «полтинником». « Вай, вай, вай – запел таксист, – такую большую денежку даешь, нет сдачи у меня..., дорогой, что делать будем? Только смену начал, в кармане, всего десять рублей». Дима сел обратно в машину, – «впереди по улице, ресторан, поехали к нему...». В ресторане «пол-

тинник» тоже не хотели менять, пришлось Диме купить бутылку водки за десять рублей. Ночной тариф, да дорогой читатель, в те времена в ресторанах продавалось спиртное, но в три раза дороже, чем в магазинах.

Уже находясь в квартире, и приняв душ, Дима налив себе пол стакана водки и сделав бутерброд, подводил итоги, закончившегося дня. « Андрея, слегка поставил на место, но он мне, это наверняка не забудет. При первом, удобном случае, отыграется..., у него такая сущность». Дима выпил водку, и через минуту, почувствовал, что сильно опьянел. « Непременно отыграется...у него больше возможностей, чем у меня... .У него есть деньги..., он человек дела, и видимо злопамятный.... А как же Бог, как же церковь, как же высоко нравственность, как это все у него? Да, что то я сомневаюсь, что он работает в церкви... . Когда я его сегодня спросил, для кого, столько унитазов.... , для священников что ли? Он, что-то, не внятно мне ответил... . Работник церкви... Работник...дьявола, вот, кто он наверное». И от этой мысли, пьяному Диме стало хорошо, и он звонко засмеялся.

Прошло две недели, конец апреля, на деревьях разворачивались листочки. Эта, та самая пора, когда на улице пахнет теплой землей, когда все деревья, кусты, покрыты как бы, зеленым туманом... Люди на улице больше улыбаются, девушки в Москве, до чего же хороши девушки в Москве, становятся, умопомрачительно красивы, и так хочется любить...

Как то задержавшись после работы, (Петров предложи сыграть несколько партий в шахматы) Дима не спеша шел к метро вдыхая чудный аромат весеннего вечера, на Кантемировскую ехать он не спешил, потому что, его там никто не ждал. Он шел через сквер, около Патриарших прудов, разглядывая встречных девушек, и думал, – «сколько же времени прошло, как меня оставила Ляля..., о, уже больше четырех месяцев..., странная она..., взяла и ушла....». «Молодой человек, – раздался рядом с Димой, приятный женский голос, – нет ли у Вас зажигалки? ». Дима повернул голову, его догоняла, очень привлекательная рыжеволосая девушка с погашенной сигаретой, которую она, крутила в пальцах. Дима не курил, но зажигалка, почему то, всегда валялась на дне его портфеля, с которым он ходил. Дима поковырялся в портфели, нашел зажигалку и начал высекать огонь, но огонь не появлялся, видимо по причине, редкого пользования данным предметом.

– Маша, ты долго будешь сигарету зажигать? – раздался капризный голос другой девушки с ближайшей скамейки.

– Сейчас, Юлия, подожди минуточку, тут у молодого человека, «лайтер» не работает...

–Может у него, что- то другое работает...?

Дима продолжал чиркать зажигалкой, когда проходящий мимо парень, легко разрешил проблему рыжеволосый девушки. И она, удовлетворенно затянувшись дымом сигареты, небрежно сказала Диме.

–Хоть у тебя и ничего не работает, но ты, можешь купить вина, вон в том магазине, и посидеть с нами...

Дима слегка опешил, быстро соображая, надо ему это, или нет, и первая мысль, авантюрная, победила вторую, более разумную.

Через пятнадцать минут, он сидел между двух веселых, болтливых девушек на скамейки около пруда, и попивал с ними, какой – то гадкий, дешевый портвейн, который ему удалось купить.

– Слушай, Маш, а профессор Магилевский на тебя глаз положил... . Это я тебе точно говорю... . Почему он тебе по «мастерству» неуд поставил...., ты же лучшая в группе.... -А-а-а, – продолжала, очень опьяневшая девушка, которую звали Юлия, – потому что он хочет, что бы ты к нему походила...походила..., а там глядишь, тебя где ни будь в аудитории... трахнет... .

– Хорош Юль болтать, дай лучше мне бутылку, а то ты совсем пьяная сделалась, правда Дим? (они успели уже познакомиться)

Диме, как ни странно, было приятно сидеть с этими пьяненькими студентками (это он потом выяснил, что они студентки Щукинского училища) и вдыхать запах весны, запах воды ночного пруда, и самое главное, запах юных студенток. Этот запах молодых, разгоряченных алкоголем девичьих тел, будоражил и пьянил его, ему было очень хорошо. «Вот как в жизни бывает, – размышлял балдевший Дима, – шел грустный молодой человек домой, и даже не домой, а так, на квартиру, и все в жизни было не весело и не так, а тут раз...., можно у Вас попросить огонька...».

– Дим, а ты не профессор случайно? – спросила его рыжая девушка, по имени Маша, делая из бутылки глубокий глоток портвейна, и прижимаясь к его ноге своей коленкой.

– Нет, не профессор, а что похож? – ответил Дима и свободной рукой при обнял, Машу за плечи. И тут же почувствовал, как тугая волна женской энергии обволокла его, у него закружилась голова, и началось шевеления в брюках.

– Может, ты меня тоже обнимешь? – капризно попросила Юля и притиснулась к Диме с другой стороны. Дима обнял Юлю, и ее волосы упали на его лицо. Ах! Как они пахли. Весной, любовью, жизнью.

Неизвестно чем бы это кончилось для Димы, и для девушек, как вдруг, одна из них, прыгнула со скамейки, и быстро побежала в кусты сирени, растущих недалеко.

– Ой, ребята...пипи..., надо сделать пипи, а то сейчас мочевой пузырь лопнет...

Дима воспользовался ситуацией, еще крепче прижал Машу к себе (это была рыжая Маша) и его левая, теперь свободная рука, опустилось на круглое колено девушки и он почувствовал ее нежную кожу и ее трепет, от его, прикосновений. Но это продолжалось ровно минуту, Маша вдруг оттолкнула Диму и ломая свои руки, вскочила на ноги закричав.

– Ты не любишь меня..., не любишь. А я...я так люблю тебя, люблю... твои глаза, твое лицо, твои волосы, – и в этом месте своего монолога, Маша кинулась на Диму, как дикая кошка и стала ласкать и целовать лицо Димы. Дима слегка опешил, от такого натиска. Потом, когда Маша своими губами впиалась в его губы, он расслабился и начал позволять девушки делать что угодно с ним. Она целовала его в засос, и лезла своими руками под его ремень. В какой-то момент, он потерял над собой контроль и повалил Машу на скамейку, ее полные ноги оголились, платье закрутилось на бедрах. От такой картины, его солдат вздыбился и готов был порвать брюки...

– Я люблю тебя, люблю..., -завывала Маша, – я твою Присцилла..., о Боже, Боже... Серж, ну возьми меня..., возьми, – и Маша начала, между слов, всхлипывать и реально плакать. Она закрывала свое лицо руками, но телом, продолжала бесстыдно прижиматься к Диме. Диму смутило, всхлипывание Маше, в «не подходящий» момент. Его порыв постепенно стал угасать, и он был в полной растерянности. Перед ним, на скамейки лежала красивая, рыжая, рыдающая в голос девушка, с задранном платьем до трусиков, показывающая, почти, все ее прелести. Такого в жизни он еще не видел.

– Ну чего разлеглась, дурра, перед незнакомым мужиком, думаешь с пьяна, что это профессор Магилевский..., и он тебе сейчас за твою сцену, зачет поставит?

Это за спиной Димы, появилась Юля, она села на скамейку, спокойно, подвинув ноги Маши и принялась допивать из «горла» портвейн. Маша тут же вскочил на ноги, поправляя платье, и не обращая внимания на Диму, пощелкала резинкой своих трусов, весело спросила.

– Ну, как Юлька, понравилась тебе эта сцена с ущербной Присциллой? – Это надо быть такой дуррой, что бы вот так, унижаться перед каким то сраным Сержем. Вот бабы прошлого века, совершенно не умели управлять мужиками. – Да я бы этого Сержа...быстро на место поставила... А она, дурра, так унижалась перед ним.

У Димы совершенно заклинило голову, и он уже не понимал, где явь, где сон, где игра, и дурь, двух подвыпивших девушек.

Девчонки весело продолжали обсуждать жизнь, какой – то Присциллы, совершенно не обращая ни какого внимания на Диму. И Дима, наконец понял, что ему ни чего не «обломиться», и надо потихоньку, «двигать» на Кантемировскую. Он взял, не заметно, как ему казалось, свой портфель, валяющийся рядом с лавочкой, и хотел не заметно, «по- английски» раствориться в густом, московском вечере. Но в этот момент, к нему метнулась Маша, обняла его за шею, и прошептала сексуально на ухо, – «хочешь меня». Диму окутал волшебный туман... , а девушка продолжала, – «чувствую, хочешь..., тогда поехали ко мне».

Как ловили такси, как за дорого, покупали, в ресторане бутылку шампанского, как ехали в машине к Маше, и как всю дорогу, безумно целовались, а Маша между поцелуями отпивала это шампанское, и давала отпить Диме, – Дима помнил плохо. Он был как во сне. Он был как лунатик. Но зато он хорошо помнил, что когда приехали в Чапаевский переулок, это где то рядом с метро «Аэропорт» и Дима стал рассчитываться с шофером за проезд, Маша ловко выскочила из автомобиля и исчезла в незнакомом, плохо освещенном, глухом, дворе. Дима это запомнил хорошо, потому что он, потом, долго ходил по этому двору и звал Машу. Звал, то нежно, то грубо, и не как не мог понять, что его опять «кинули». Он это понял тогда, когда, какой-то мужик вышел из подъезда с огромной овчаркой и сказал ему, « что бы он ...уе...ал, а то сейчас он ему отвесит «люлей», по полной программе, за крики во дворе в два часа ночи». Дима смирился, и не стал «напрягать» мужика, хотя, очень хотелось. Потом, Дима ехал на Кантемировскую, на такси, на последние три рубля, проклиная себя (нельзя быть таким лохом), девок (которые его так ловко развели), жизнь (почему, она подбрасывает такие ловушки, такие «подлянки»). Одним словом, «нормально» так погулял.

Утром следующего дня, проснувшись, Дима никак не мог понять, почему, он такой «опытный» мужик, так попал на такой дешевый «развод». А потому, он соображал хотя и плохо, но разумно, – « что он давно не с кем не спал, и ему показалось, что «сладкие» врата, находятся рядом, и еще мгновение, и они распахнутся навстречу его желаниям, и он, войдет в них легко и непринужденно». Но, у него получился «облом». Во-первых, этих девчонок, он первый раз видел. Во- вторых, они очень юные, а он старый «пердун», и перед ними вел, как «зеленый», первокурсник, но он, это понял, слишком поздно!

В-третьих, девчонки из театрального училища, и они, все время в «композиции», в творчестве. И он как «лох» законченный, попался, на их, «домашнюю» заготовку. А они якобы, в подготовке к их экзаменам, по «творческому мастерству». Они мало тебя развели на деньги, они еще все время «доминировали» над тобой».

Голова у него болела, но это было не самое худшее, от этого загула, – Дима понимал это, очень хорошо. – «Самое печальное, – рассуждал он, – что денег в кармане, ноль. Вчера, в моем распоряжении, была сумма денег, достаточная для того, чтобы прожить безбедно, пару недель, а может быть и больше, а теперь..., что я вижу, денег опять нет. Вот моя дурь, вот эти девки! Они меня доведут (девки) до полного банкротства. Я, как Лев Толстой, который в преклонном возрасте сокрушался, , что девки и бабы его одолели... Наблюдаю за собой, всегда вижу один и тот- же сценарий» ,– размышлял Дима . Находясь в постели, его мысль крутилась вокруг вчерашнего эпизода на «Патриках». – «Увлекаюсь, кидаю под женщин последнее « бабло», а потом, не то – что сожалею о деньгах, а сожалею о ситуации, которая видимо не повториться. Была, и вот уже ее нет.... . А я мечтаю, мечтаю..., но ничего уже нет.... , реальность, образ, миф...растаяли ... – А ты, еще живешь, этими образами..., мифами... . Все! Дымка, туман, мираж.... . А ты мечтаешь. Хочешь их поймать, хочешь их иметь..., а их уже нет... Нет их уже. – Новый день. – И ты, переворачиваешь новую страницу своей жизни. И в ней новые миражи, новые туманы, новые образы..., чуть -чуть, похожие на прежние..., но совсем другие... . И тебя это радует..., и одновременно пугает...».

Андрей не звонил, Ляля не звонила, и Дима от «нечего делать», продолжал работу над диссертацией. Так прошел апрель, и прошло две недели мая. Дима упорно писал свою работу, «...они, бантустаны Южной Африки, исторически образовались еще при колонизации этой территории, голландскими моряками в семнадцатом веке. Некий Ван дер Риббек, высадившись со своими вооруженными матросами на пустынный берег в районе теперешнего города Кейптаун. Увидев африканца, мирно пасущего стадо коров, Ван дер Риббек приказывает своим матросам, открыть огонь по пастуху и коровам...». И дальше по тексту, Дима должен был обрушить свой гнев на отвратительный поступок голландского предводителя, который запятнал кровью свой народ, на много веков вперед.

«Вот, если бы это происходило в наши дни, то встреча африканца, пасшего коров, с советскими моряками, наверняка кончилась бы не стрельбой, а братанием, за международный интернационал (пролетарии всех стран соединяйся)...». Где то здесь, Дима уснул над своей рукописью, и ему приснился чудный сон, – « что он, Дима, как раз и есть тот самый Ван дер Риббек, только советский... и он быстро находит общий язык с африканцем, который пасет скот. И вот Дима видит себя, уже идущего в племя этого африканца..., а потом его, без объяснения привязывают маленькими колышками к земле и начинают насильственно, кормить пять раз в день. Он, почему то ест, а есть не хочется, а рядом, он обнаруживает, то же привязанную колышками к земле толстую англичанку, которую, африканцы кормят шесть раз в день! И она рассказывает Диме (или Ван дер Риббеку), что их ждет через несколько недель, неминуемая смерть, потому что их, скоро съедят африканские туземцы. « Один белый джентльмен лежал до Вас на этом месте..., и его съели несколько дней назад». Дима (он же Риббек) начинает рваться, кричать, что он советский поданный, и что туземцы ответят за его смерть по международным законом..., что он будет жаловаться в Организацию Объединенных Наций...и что... он...» .

Он проснулся от телефонного звонка с мыслью, что Риббек был прав, стреляя в туземца-африканца, « все предвидел», поэтому и стрелял... .

– Слушаю?

– Привет старик. Это Андрей. Как дела, чего не звонишь. Приехал бы ко мне в гости, сгоняли бы несколько партий в шахматы....

– Да некогда..., вот диссертацию дописываю...

– А то давай Дим, завтра к обеду, подгребай ко мне...обедам угощу и рюмку налью... .

Ну, договорились?

– Хорошо Андрей, завтра приеду.

Дима положил телефонную трубку, и начал себя корить, – «на хрен я согласился..., ведь решил, что с ним дел никаких вести больше не буду. А стоило ему позвонить, раз, все побежал. Слабак, ты Глинский!»

На следующий день Дима приехал к Андрею. Андрей был чрезвычайно любезен. Поил Диму чаем, угощал вкусным тортом. Потом играли в шахматы. Андрей проиграл Диме подряд три партии, в четвертой имел перевес, но Дима сумел свести эту партию в ничью. В разгар пятой партии, пришел, как объяснил Андрей, его приятель – Николя, якобы Француз. Николя-молодой, загорелый мужчина тридцати лет, прекрасно говоривший по русски, с легким акцентом. Он внимательно посмотрел на шахматную позицию, воскликнул, « о-о- о- ля-ля» и подсказал Андрею ход ладьей, после чего Андрей получил мат, через три хода. « Еще один экстрас – классный игрок», – беззлобно отметил Дима. Опять пили чай, и Николя рассказывал, как он бывал на карнавале в Бразилии.

– Понимаете ребята, они там днем танцуют, причем весь город..., никто не работает..., а потом, ночью, как это по- русски, все е...бюфь..ть.., трудный русский язык, – заулыбался Николя, – одним слово, все живут, друг с другом... – Я один раз видел, как турист, американец, днем..., схватил, за руку танцующую мулатку и утащил ее в палатка..., поставленную прямо

на газоне...., а потом я видел, что...., как это по русски, стенка... палатка... сотрясалась, он там опять е.. бафь, е.. ба.. фь... ся, – наконец произнес трудное для него слово Николя. Дима быстро представил эту картину, яркая палатка, стоящая на газоне, улыбающийся американец, быстро хватая полуобнаженную, танцующую «румбу» девушку, и увлекает ее в палатку. Застегивает молнией вход, и вот палатка сотрясается от не истовой любви двух молодых людей. – «У нас, менты, быстро бы всех повязали, за такие проделки. Но бразильцы..., конечно молодцы».

– А ты, Николя, какой нибудь мулаточки, засадил, – спросил Андрей, хитро улыбаясь, – или только ходил по Рио, и подглядывал.

– Да, был, один случай, но не с мулаткой..., а с одной туристкой, из Чехии..., очень красивая девушка..., но у нее был парень, и он бил, как это по русски, мне морда, и его даже забрали в полицию. – И его девушка..., очень красивая, но очень странная..., не беспокоилась о нем, а беспокоилась обо мне, лечила меня и любила меня, пака он находился в полиции. А потом она улетела с ним в Европу.

После рассказ Николя о его приключениях в Рио- де- Жанейро, на кухне, где они пили чай, воцарилась тишина. А через пару минут, Андрей вышел из кухни и начал звонить по телефону, а Николя, сделался печальным и начал безучастно листать модный журнал, который принес с собой.

Дима продолжал допивать свой чай, когда Андрей предложил Николя пройти в комнату «для разговора», – как сказал Андрей. Их не было минут двадцать, и Дима от нечего делать, тоже стал листать модный французский журнал, оставленный Николя на столе. До него доносились из комнаты, обрывки фраз. – « Ну, Андрей...., за такую девочку. Ты меня....., а теперь..... . Как хочешь....., а ты очнешься..... другим продал. Я буду дней. Учти Николя....., понял, только....., у меня на нее нет отбоя.....долларов. Поэтому, все думай.

Они пришли на кухню очень возбужденные, особенно Николя. Уходил веселым, молодым, уравновешенным человеком, а вернулся, озабоченным, усталым мужиком. И видимо разговор с Андреем не получился, и он уже при Диме, все пытался, что – то выяснить у Андрея, который по пятому разу грел электрический чайник.

– Андрей, ну ты не прав, я тебе предлагаю очень хорошие деньги...

– Николя, мы с тобой обо всем договорились, у меня сейчас гости, – и он указал на Диму, – а у тебя есть время, целых три дня.... но потом время у тебя не будет.

– Но, Андрей..., пойди мне на встречу, мне очень нравится эта вещь.

– Николя, все, я тебе сказал.... . Мои условия..., вот такие и не надо меня ломать.

Николя задумался, медленно отхлебывая чай, уставившись в какую – то, только ему известную точку на стене.

– Еще партию сгоняем, – спросил Андрей, внимательно посмотрев на Диму.

– Пожалуй, я сейчас поеду дописывать свою диссертацию..., давай в другой раз.

– Ну, хорошо, в другой, так в другой... . Да, Дим, через три дня, надо за квартиру будет платить, тут мне уже Флегонт названивает. А я к тебе туда в ближайшее время не выберусь, поэтому я тебе дам двадцать пять рублей, а ты свою долю добавишь. И передашь деньги Флегонту..... Значит у нас сегодня четверг..., в воскресенье, либо в понедельник, и не забудь, пожалуйста, а то Флегон, меня затрахает. Он и так не доволен, что ты там живешь. «Зачем вы Андрей, пересдали мою квартиру, этому наглому парню, он мне не нравится».

Дима встал и попрощавшись со всеми, пошел к выходу.

– Андрей, я уже подумал, – услышал Дима, за своей спиной, – я согласен с твоей ценой, но сделай мне хоть скидку в пятнадцать процентов.

– Ты просишь четыреста пятьдесят долларов скидки! Ты сумма сошел Николя. Ты видимо ничего не понял. Я не могу тебе столько уступить.

– А сколько ты мне можешь уступить Андрей..., но не молчи, говори.

Дима в это время, в коридоре, одевал ботинки.

– Сейчас Николя, я товарища провожу, и мы с тобой продолжим..., но мне все же не хотелось тебя обижать...

Андрей вышел за Димой, протянул ему двадцать пять рублей.

– Не забудь заплатить.

– Хорошо, не забуду.

– Пака Дим, звони.

– Пака.

И вот Дима за дверью, и не услышал продолжения разговора. А ему так хотелось узнать о чем так яростно спорили Андрей и Николя. Двигаясь к метро, он прокручивал невольно в голове, услышанные обрывки фраз, в квартире Андрея. – «Разговор шел о какой то вещи, которую, наверное, продает Андрей и продает, видимо не дешево. А можно ведь, подсчитать, сколько она, эта вещь, стоит. Пятнадцать процентов это четыреста пятьдесят долларов, значит, вещь стоит три тысячи долларов. Да не мало. Андрей видимо не хочет уступать. Да, мы знаем, какой Андрей «добрый» парень. Ну, что это я, как будто, Шерлок Холмс, веду расследование. Какое мое дело, что они там продают, что покупают, мне диссертацию надо писать, а не в чужие проблемы решать. Какой же ты Глинский..., сам себя начал корить Дима. Вот опять надо двадцать пять рублей находить...».

Текли дни, текли недели. Работа над кандидатской, двигалась, но очень плохо. В конце мая, Дима принес первую главу своей диссертации научному руководителю доктору экономических наук Шпильману. Тот быстро взглянул на рукопись, потом на Диму и спросил.

– Это все, что Вы могли написать за девять месяцев?

Дима покраснел, и промямлил, – «что остальные главы работы, уже написаны, – врал безбожно Дима, – и что их, осталось только перепечатать, но на машинистку, нет денег...».

– Молодой человек, когда Вы беретесь за работу над диссертацией, то нужно понимать с какими издержками Вы столкнетесь.

– Борис Львович, я все понимаю..., и оставшиеся главы, принесу Вам через... – здесь Дима крепко задумался, он понимал, что нужно говорить научному руководителю реальную дату, врать здесь, было нельзя. – ... два месяца..., – соврал Дима.

– Значит, Вы молодой человек, хотите сказать, что Ваша работа будет лежать на моем столе, через два месяца, так?

– Так, – ответил Дима, и еще больше покраснел.

– Выходит, что Вы будете печатать написанные главы два месяца..., так?

Дима смутился, он интуитивно понимал, куда клонит Шпильман.

– А Вам не кажется, молодой человек, что вы мне морочите яйца ... Как это готовую работу, вы собираетесь печатать более двух месяцев? А? Как это у Вас получается?

Дима совсем растерялся, и не знал что говорить. «Кажется попал, как кур в ощи́п» – тоскливо думал он, поглядывая через окно во двор института Африки.

– Сколько у Вас страниц, – резко спросил Шпильман, – в первой главе?

– Сорок три страницы, Борис Львович...

– А сколько страниц по плану, будет иметь ваша работа...?

– Сто пятьдесят, сто шестьдесят страниц...

– Вот видите, молодой человек... Вы собираетесь печатать, я подчеркиваю, печатать, сто, сто двадцать страниц... Целых два месяца! Какой кошмар! И это мой ученик!?

– Если Ваша работа уже написана до конца..., и вы не врете. – То квалифицированная машинистка, перепечатает, Ваши, молодой человек, сто двадцать страниц, за десять дней...

– У меня плохой почерк, – продолжал, выкручиваться Дима, – да и с деньгами сейчас...

– Значит, как я понимаю, работа по перепечатыванию Вашей рукописи, займет два месяца...?

– Да, где то так..

– А я Вам не верю, молодой человек. У Вас нет ничего написанного, кроме того, что Вы мне сегодня принесли...

– Но, Борис Львович..., я работал, я писал...

– Вы еще скажите, что вы еще учили....

– Я старался...

Значит так, молодой человек.... Ваша фамилия Глинский?

– Глинский...

– Завтра, нет после завтра. Завтра у меня во второй половине дня лекция в институте Право... . Значит так, Глинский. Послезавтра, это будет среда, во второй половине дня, принесете мне рукопись, своей работы... и мы посмотрим..., что вы там написали..., и какой у вас подчерк...

Дима побледнел, он понял, что пропал. В среду, доктор Шпильман поймет, что Дима, не просто лодырь, а еще лгун, который морочит голову известному ученому-экономисту. «Он опозорит меня на весь институт, – с внутренним содроганием думал Дима – и я никогда не стану кандидатом экономических наук..., и ничего я, никому не докажу! Ни Галине Ивановне, ни бывшей жене, ни ее отцу, который подсмеивался над Димой (не представляю, говорил он, Тани..., что Димка может написать диссертацию). Я никому ничего не докажу! Что же делать? Что же делать...?»

– Вы что – то очень сильно побледнели. Вы в порядке, молодой человек?

– Я в порядке, – сдавленным голосом, ответил Дима.

– Ну, если в порядке, то я Вас жду в среду с рукописью. До свидания, молодой человек.

Дима вышел от Шпильмана на негнущихся ногах. В голове стучало, и перед глазами, замелькали черные мушки. «Во, влип, что же делать? Как я приготовлю рукопись к среде, если ее нет... . У меня времени, полтора дня... А что если, сейчас, развернуться, ворваться в кабинет к Шпильману, упасть ему в ноги, и во всем признаться. Сказать, мол так и так, нет у меня ни чего. Лодырь я и врун. Простите меня великодушно... Может, простит, и не будет такой резонанс в институте, о моем вранье... Что делать? Просто кошмар, хоть в петлю лезь».

Дима как лунатик вышел во двор института и сел на первую попавшуюся скамейку.

А дворик перед зданием института в Староконюшенном переулке, был замечательный. Огромные деревья в причудливых формах изгибались и тянулись к небу. Кусты сирени и черемухи вместе с великолепными цветами на газоне, дополняли красоту небольшого, уютного дворика. По приданию, в здание, где располагался институт, жила семья графа Ростова, героя романа Льва Толстого «Война и мир». Дима не верил, по причине,... – «а сколько времени прошло, с тех пор, да и пожар был в Москве в тысяча восемьсот двенадцатом году. Не могло это здание, так хорошо сохраниться...».

– Что загораешь один? Дима поднял свою голову, перед ним стояла Галина Ивановна и улыбалась.

– Привет Галь, невесело ответил Дима.

– А что такой грустный? Что-то случилось?

– Торопишься? Нет? Тогда присядь рядом со мной, хоть на несколько минут. Может ты, меня, хоть успокоишь.

Галя присела на край лавочки. От нее пахло приятными цветочными духами. Она была одета в белую кофту с коротким рукавом и клетчатую юбку. На ногах были босоножки на длинном каблуке.

– Ну, что у тебя произошло?

Дима за десять минут изложил ситуацию, пропуская некоторые нюансы данной проблемы.

– Да Дим, ситуация, прямо скажу не очень. Этот Шпильман мужик не плохой, но в нашем институте работает, как ты знаешь, его дочь.– И тоже пишет диссертацию по Югу Африки.

Стерва, та еще. – Если она от своего папаша узнает о твоих «подвигах», вот тут она точна, разнесет по всему институту, какой Глинский «будущий кандидат экономических наук».

– Галь, и что же мне делать?

– Что тебе делать? Когда тебе назначил «срок» Шпильман?

– В среду.

– Дим, все в руках господ Бога, захочет, все обойдется, не захочет....

– Ну, ты утешала.

– Дим, понимаешь, Бог нас создал не для наказания, а для испытания. Тебя сейчас испытывает Бог, через эту ситуацию...

– Я тебя серьезно спрашиваю, как мне быть, а ты мне про Бога...

– А я тебя серьезно и отвечаю. Бог нас всех любит, но кого любит особенно, испытывает жестко. – Дим расслабься, все будет хорошо.

– Галь, ты видать, не понимаешь до конца моей ситуации. Если я не принесу в среду рукопись..., а я ее не принесу. То тогда прощай диссертация, прощай мечта.... Прощай надежда.

– Дим, а тебе эта кандидатская степень, точно нужна? Может быть, у тебя совершенно другое призвание. Может быть, ты станешь....

– Космонавтом..., ты это хочешь мне сказать?

– Ладно, Дим, не обижайся. Пойдем лучше со мной в гости. Отвлечешься, расслабишься, согласишься, твоя ситуация и решится.

– К Андрею, что ли?

– Почему к Андрею, у меня, что друзей других нет? Людка, знаешь ее, из отдела Арабских стран, сегодня вечеринку собирает...

– Эта такая страшная, маленькая...

– Дим, прекрати. Женщин страшных не бывает, бывают не внимательные мужчины.

– И по какому случаю, она собирает вечеринку?

– По случаю своего развода. Давай сходим вместе. Мне приятно с тобой пойти, и приставать никто из мужиков не будет.

– Ах! Вот оно в чем дело. Но она меня не приглашала.

– Хватит Глинский, дурака валять. Я тебя приглашаю. Этого мало?

Они купили в магазине каких то конфет, какой –то торт и бутылку вина и бутылку водки. Я пишу каких – то, потому что в то время, приход в магазин не означал, что вы сможете купить то, что хотите. Покупали то, что было, и частенько, в продовольственном магазине ничего не было. Им просто повезло, что они купили этот набор продуктов, который, как раз был и нужен.

В квартире у Людмилы, уже собрались все гости, и Галя с Димой появились последние.

– Ну, где тебя черти носят, – сказала, слегка подвыпившая Люда, открывая дверь. И видя, Диму, воскликнула, – все мужчины ждут тебя, а ты уже с мужиком, браво Галина Ивановна, браво, ты проста, прелесть.

В большой сталинской квартире было полно народу. Было сильно накурено, и многие гости уже были пьяные. Играла музыка, кажется песня «Как прекрасен этот мир... посмотри...» и какая-то незнакомая Диме, подвыпившая дама, ставила и ставила пластинку с этой песней.

Диму и Галю посадили за стол вместе и тут же налили, как выразилась хозяйка «штрафную». Дима выпил водки и закусил куском курицы, которую положили на тарелку и поставили перед ним. Потом выпил еще и посмотрел на присутствующих. В комнате за большим столом сидели три женщины (не считая Галину Ивановну) и пятеро мужчин (это без Димы), двое из них были сильно пьяные. Один, не очень пьяный, крупный, черноволосый мужчина, на вид лет тридцати пяти, нагло стал рассматривать Галину Ивановну. Притом он это делал совершенно открыто и никого не стеснялся. Диме это сразу не понравилось, и он про себя отметил, «что,

«черноволосый», если будет так себя продолжать вести, в конце вечера, может схлопотать по морде, от меня».

– О! Какая девушка у нас тут, появилась. – И как же девушку зовут, – бесцеремонно забасил, «черноволосый».

– Девушку зовут, – вмешалась Люда, – Галей. – Эта наша мисс Африка.

– А мисс Африка, что немая, или очень застенчивая, сама свое имя сказать не может?

Галина Ивановна в этом месте, пригубила шампанское, и заулыбалась, как всегда, «черноволосому» и остальным мужчинам.

Борь, не хами. Дай девушки выпить и закусить.

– А я что, ей не даю, я ей все отдам, если она согласится танцевать со мной.

– Хорош, Борь, к людям цепляться, – это сказал парень, на вид самый трезвый, – а то видишь, с ней мрачный, малый сидит, уже напрягся. Еще в морду тебе даст..., и будет по-своему прав.

– Пусть попробует. Мне Жень, по жизни, не раз приходилось защищаться от, таких....

– Мальчики. Давайте еще выпьем по одной и начнем танцевать. Девушки хотят танцев...

– И обжиманцев, – мерзко захихикал «черноволосый».

– Мальчики, помогите принести магнитофон, – попросила хозяйка. Первый откликнулся Дима, как самый трезвый. Он пошел за Людкой в комнату, заваленной всяким хламом: от старой мебели до старых велосипедов, и большим количеством книг, которые находились как, на этажерках, полках, на шкафах и даже на полу. Люда из угла вытащила большой магнитофон «Яуза», шедевр электроники советского времени. Дима подхватил магнитофон и принес в комнату с гостями, при этом, обнаружив, что «черноволосый» уже сидит на его месте рядом с Галиной Ивановной, и что-то нашептывает ей на ушко. Людмила включила магнитофон, и волна модной мелодии наполнила комнату. Эта была популярная песня тех лет «Твенти файф» – Роллинг Стоунз. «Черноволосый», тут же потащил Галину Ивановну танцевать. К удивлению Димы, Галя не только ему не отказала, а начала вертеться с ним, как со старым знакомым. Эта сцена, повергла Диму в растерянность и замешательства. «На хрен, надо было ей говорить мне, что бы я ее «оберегал», от мужиков. Вон как, выворачивается с этим.....». Здесь Дима заметил, что «черноволосый», нагло прижимает Галину Ивановну к себе, а она..., улыбается ему, как Датскому принцу. Мелодия резко закончилась, как и началась. Танцевавшие, вернулись за стол. «Черноволосый» опять сел рядом с Галей, и опять начал ей что-то нашептывать на ухо. Дима почувствовал, что попадает, в какой-то вакуум, и его начинает раздражать данная ситуация.

– А теперь, – предложила пьяненькая Людка, совершенно не впопад, – давайте, выпьем за....мисс, Африки.

Все присутствующие заулыбались, и начали чокаться своими рюмками с Галей, а «черноволосый», начал целовать Галю в засос..., и она (что, поразила Диму в самое сердце), совершенно не противилась. Потом выпили еще, и еще. Опять заиграл магнитофон, в этот раз, группа «Битл» развлекала публику. Диме, почему то, стало очень скучно, и он вышел сначала на кухню, но там, было очень накурено, и он пошел обратно, по дороге решив помыть руки. Включив свет и войдя в ванную комнату, он опешил. Один из гостей, «пятил раком», совершенно пьяную девку. Девка держалась руками за «полотенца – сушильщик», ее юбка была задрана, и закручена на животе, трусы ее болтались между ног.... и ее огромные сиси, выпущенные наружу, колыхались в такт, ее совокупления.

– Слышь, парень, на хер, ты свет включил? Выключи... по-хорошему..., – прохрипел пьяный гость.

Диме захотелось ему нахамить, и сказать на подобие, – «это, что бы тебе мудаку, лучше видеть, большую, белую жопу».

Дима выключил свет. Он прошел в комнату, которая была завалена книгами, и подошел к окну, здесь он увидел большой балкон, которым, кончалась эта комната. На балконе был уютный диванчик, Дима расположился на нем, прихватив одну из книг.

– А! Вот ты где, – и к нему на балкон, выпрыгнула Галина Ивановна. – Ты чего Дим не танцуешь? Обиделся?

Дима молчал, делая вид, что он очень увлечен книгой.

– Ну, Дим, хорош дуться. Пойдем, потанцуем...

– Ты уже натанцевалась со своим «черноволосым»?

– Да, ладно тебе злиться. Этот «черноволосый» как ты его назвал, очень приятный парень. Притом, как и я, он был в Эфиопии, и мы с ним обсуждали наших знакомых, работавших в этой стране. К тому же, можно девушки один раз в год повеселиться?

– И целоваться в засос...

– Дим, хватит выдумывать. Я не могла себе позволить это, с коллегой, из Эфиопии.

– «Хватит выдумывать», – передразнил Галю, Дима, я что, слепой по- твоему, я что, находился в другом месте. Я сидел напротив тебя и все видел, как ты с «черноволосым эфиопом», твою мать, целовалась в засос. – Как же твоя любовь к Андрею, – ехидно продолжал он, – она уже закончилась, и умерла, и ты теперь свободная птица, так что ли?

– Мы с Андреем, на днях, сильно разругались, – тихо сказала Галя, – надоело мне, его вранье. – То он едет со мной в Париж, притом, на всегда, то мы улетаем, прямо завтра в Сочи, то....., с этой дубленкой меня подставил... – Дим, мне кажется, что он в ни какой Епархии, не работает. Дурит он нас.

– И мне кажется Галь..., что Андрей...

– А? Спрятались, от коллектива..., откололись..., нехорошо..., – забасил, вывалившись на балкон, совершенно пьяный, «черноволосый».

– Борь, – строго сказала Галя, обращаясь к «черноволосому» – мы сейчас придем, не скучай.

«Черноволосый», послушно удалился, правда, грязно ругаясь матом.

– Так Дим, что ты хотел мне сказать про Андрея?

Дима пожал плечами и внимательно посмотрел на Галю.

– Ничего я тебе не хотел сказать..., просто ты, Галина Ивановна, опять выбрала...

– Ребят, хорош, тут сидеть..., – это уже говорила хозяйка мероприятия, – все хотят выпить, а Вас нет... А без Вас..... ничего не получается... И она ушла, захлопнув дверь на балкон.

– Ну, Дим, давай договаривай... Почему Андрей для меня не подходит?

– Я так не говорил, я хотел тебе сказать, что ты ошиблась в выборе..., что твоя влюбчивость...

– А ты хотел, что бы я тебя полюбила, да?

– Ничего я не хотел. Я старался уберечь тебя...

– Ой, ну не надо, ради Бога не надо таких слов, что ты хотел спасти меня. От кого Дима, ты хотел спасти меня?

– Галь, ты, наверное, меня не слышишь. Я говорю не спасти тебя, а уберечь....

Вдруг на балкон бесцеремонно вышла с сигаретой во рту, та сисястая девка, которую в ванной комнате только что..., (ну Вы поняли) и не обращаясь не к кому, сказала.-« Там в комнате, Людки очень плохо, вся в слезах. Если Вы ее друзья, то надо ей помочь».

Галя и Дима сразу отреагировали на ее слова и покинули балкон. Особенно Дима, был доволен этой информацией, ему хотелось, под предлогом помощи хозяйки, прекратить не очень приятный разговор, который складывался с Галиной Ивановной.

В комнате, они застали рыдающую Люду, и одного гостя валяющегося на полу. Другие делали вид, что ничего особенного не происходит.

Галя прошептала Диме на ухо, – « Димуль, я сейчас включу музыку, а ты успокой Людмилу и пригласи ее танцевать, надо как -то вечер закончить на позитивной волне».

Диме не хотелось этого делать: во-первых, потому что ему, совершенно не нравилась Люда, во- вторых, он не был ее приятелем, и « наверняка, – думал он, – среди гостей есть люди намного ближе к ней, чем я». Но тем не менее, он сел рядом с Людкой и начал ей, говорить, -«что все плохое, рано или поздно кончается, что за все стоит Бог, и наверняка Люда, получит то что хочет.... ». Раздались звуки музыки, и опять «Битлз» ворвался со своей мелодией «Кам ту геза...». Некоторые гости, которые еще держались на ногах, начали танцевать. « Черноволосый», опять танцевал и мял Галину Ивановну, и норовил, задрать ей юбку во время танца. Диме удалось Людмилу тоже вытащить в круг танцующих. Ее настроение улучшалось, и она бесстыдно стала прижиматься к Диме, а потом, совсем разошлась и своей худой коленкой начала шупать достоинства Димы. Во время третьего танца («Битлы» пели «Естыдый») Люда повисла на Диме и прошептала, – « как хорошо дорогой.... . Когда я плыла на пароходке «Микеланджело» из Картахены в Нью – Фауленд, жалко что тебя не было со мной.... . А когда я сидела в ресторане «Мабел степс»...

– А где это..?

– Это напротив Колизея, дорогой.

– В Риме, что ли?

– Да дорогой, в Риме..... а у тебя большой..., я чувствую. Останешься со мной.... или пойдешь, свою, наивную дурочку провожать, – шептала в ухо, совершенно пьяная Людка.

Во втором часу ночи, Дима провожал «свою наивную дурочку». На улице шел небольшой, теплый, майский дождь. Машин почти не было, и им пришлось простоять под дождем целых двадцать минут. Они стояли у обочины дороги, тесно прижавшись к друг, другу, накрывшись каким то куском полиэтилена, и ничего не говорили, обоим видимо, было хорошо так стоять. Дима, время от времени, видя фары приближающейся машины, поднимал правую руку, пытаясь остановить ее, но машины, притормозив, почему то не останавливались. Видимо водители машин, в темноте, полагали, что «голосуют» две девушки, но разобравшись, стремительно уезжали в ночь. А Диме, нравилась, так стоять, крепко обнявшись с Галиной Ивановной. «Хорошо бы, эта машина, которая должна увезти Галя, еще не появлялась долго, при долго, – мечтал Дима. В этот самый момент, к ним подъехала черная «Волга».

– Кюда эхатъ,– спроси, черный как смоль, человек в кепке.

– В Чертаново, на Днепропетровскую улицу, – ответил за Галя, Дима.

– А, скель...кэ дэнек ашь?

Дима, выступая посредником в этом вопросе, вдруг смутился. Он не собирался ехать в Чертаново, он только сажал свою подружку на машину, поэтому не знал, сколько это может стоить в такой поздний час.

– Ну, эдеш, или не эдеш?

– Да, я еду,– как бы очнувшись от колдовства, встрепенулась Галя, и не успел Дима еще оценить эту ситуацию, как Галя уже сидела в машине и черный шофер, «ударил по газам».

Он остался стоять, под дождем, в ночи, еще не понимая, что упустил свой маленький шанс, проводить Галя до дома, и может быть и заночевать там. Он только сейчас понял, что надо было проявить инициативу, и проводить Галя до Чертанова. Дима смачно плюнул и грязно выругался. « Что я за мудак ? Вот, был момент. Вот был шанс «переломить судьбу экстаза», как сказал какой-то поэт, и я прошел мимо этого шанса». «А кто тебе сказал, – проговорил внутренний голос, – что Галина Ивановна легла бы с тобой? Но это не важно, – вступил в полемику со своим внутренним голосом Дима, – легла, не легла, главное, надо было девушку проводить до дома, а там видно было..., глядишь и пригласила зайти на чашку чая. Ведь возник, очень благоприятный момент, Галина Ивановна, поругалась с Андреем, значит, стала свободной девушкой. Да, момент был, но ты не воспользовался моментом, потому что, у тебя была

причина, – продолжал наступать на него его внутренний голос, – причина, про которую ты забыл. Это полное отсутствие денег в кармане!». Дима судорожно ощупал карманы, и нашел в них, только двадцать копеек. «Во класс! Теперь я не только к Галине Ивановне не попаду, но и до Кантемировской неизвестно, как доберусь». А капли дождя продолжали падать на его лицо, и ему не смотря на такой «облом», было, почему то очень хорошо и весело.

Дима шагал на Кантемировскую с Таганки, почти всю ночь. Только часа через два, его ходьбу, под дождем, прекратил, какой -то странный, чудной господин на своем «Москвиче». Он сам остановил машину рядом с Димой, который в это время, отчаянно шел по лужам к Кантемировской, и опустив стекло в автомобиле, спросил. « Молодой человек, далеко ли до Бурцева?» Дима сразу остановился, и несмотря на поздний час и усталость, тут же вспомнил, что эта фраза из произведения Александра Сергеевича Пушкина – «Метель», где один из героев (Владимир), так вопрошал, какого та деда, какой –то деревни, когда заблудился. Дима тут же подхватил пущенный вопрос, и ответил словами деда, названного произведения. «Да верстов пять будет в стороне...»

–Может, покажете дорогу до Бурцева?

– Конечно, покажу.

И он с удовольствием сел в теплую машину, будучи совершенно промокшим и с мокрыми ногами. Чудной господин завел машину и напевая детскую песенку про «кузнечика», повез Диму в «Бурцево. Так они проехали минут пятнадцать, когда Дима осмелился спросить, «чудного господина». «Куда ему все – таки, надо?» Господин, продолжая мурлыкать какую-то, очередную детскую песенку, минуты через две сказал.

– Куда Вам надо, туда я Вас и довезу.

Этим ответом, «чудной господин» совершенно поразил Диму, и ему, очень усталому, стало казаться, что он спит, и это приятный сон.

Скоро они были на Кантемировской улице, и Дима сказал, «чудному господину», « что у него нет денег, что бы заплатить за оказанную услугу». «Чудной господин» улыбнулся и ответил, – « что мол денег нет, это не беда, и что если он (господин) окажется в такой же ситуации».

–То Вы молодой человек, наверняка, тоже подвезет меня, до Бурцево.

Дима тепло, распрощался с « чудным господином», и дома, сбросив с себя совершенно мокрые шмотки, сразу полез под горячий душ. Стоя под горячими струями воды, ему в голову вдруг пришла странная мысль, что подвозивший его господин, не спрашивал дорогу и адрес, где проживает Дима... И Диму, это настолько потрясло, что он, весь в мыле, вышел из ванны, сел на табуретку стоящую на кухне, и обхватив голову руками, начал, очень возбужденно, анализировать – « эту встречу, с этим странным господином». – « Подъехал ко мне сам... , я не голосовал..., и его даже не заметил...., притом тогда, когда я из последних сил шел под дождем. Потом этот странный вопрос, . про Бурцево». И самое, странное, что он привез меня на Кантемировскую, но я ему адрес не говорил. Точно не говорил?– спросил Дима самого себя. Да, вроде точно. Так, точно, или вроде?»

Дима в этом месте задумался, и несколько раз в голове прокрутил свою дорогу на Кантемировскую с «чудным господином». – « Может я задремал, и во сне ему сказал адрес», – будоражил сам себя Дима. «Нет, точно не говорил ему свой адрес», – чудеса и только. Он домылся в ванне, и лег спать, но сон совершенно не брал его, и он все ворочался, ворочался в постели. Под утра, когда солнце уже било в окно своими золотыми лучами, Дима пришел к мысли, что, наверное, встретил своего Ангела Хранителя, и с этой мыслью, он тут же уснул.

Он проспал весь вторник. Проснулся около шести часов вечера. Солнце косыми лучами, еще золотило край неба. Дима встал с постели и открыл окно, свежий воздух упруго, наполнил его легкие. Он несколько раз глубоко вздохнул, и ему стало удивительно хорошо и весело. « Точно, вчера, Ангела Хранителя своего встретил»,– сказал вслух Дима, и пошел принимать

душ. Он любил принимать душ, и иногда за день, делал это по три, или даже четыре раза, если позволяли обстоятельства.

Вечером, он пошел погулять, и не заметно дошел до парка в Царицыне. Старый пруд, парк, развалины дворца, который строился для матушки Екатерины, выдающимся архитектором Казаковым, тишина и покой, теплым майским днем, «врачевали» Димину душу несколько часов подряд. И он, обойдя весь пруд, наконец, устав, присел на скамейку. Солнце уже село, и теплый вечер, начал окутывать развалины дворца, небольшой мостик и дорожку к нему....

– Можно с вами сесть? – не очень опрятный мужчина, спросил разрешение у Димы.

– Да, садитесь, пожалуйста, – ответил он, хотя на самом деле, ему хотелось побыть одному.

Мужчина сел, из кармана достал газету и начал разгадывать кроссворд. Делал это он вслух. Читал вопрос, и сам на него отвечал. К удивлению Димы, делал он это очень быстро. И Дима сначала не вникал в его процесс, а потом стал прислушиваться, и с прискорбием заметил, что не может ответить не на один вопрос. Мужчина читал, – «мощный водяной насос?» Дима, про себя, ну это просто..., водяной насос, насос, насос... «Помпа», – сам себе отвечал мужчина и записывал ответ, по горизонтали. «Учебный, полугодовой, временной процесс, – дальше читал мужчина, – в высших учебных заведениях?». «Ну, это ты брат, должен знать, – сам себе говорил Дима, но на самом деле не мог ответить. «Семестр». – выкрикивал, мужчина радостно и быстро записывал ответ, по вертикали. Через пятнадцать минут, Дима покинул лавочку, внутренне переживая, полное унижение. Он обнаружил, что он не смог ответить не на один вопрос. «Как так может быть? – размышлял он, двигаясь уже в сумерках по тропинке домой. «Какой то, на вид, простой мужичок, выходит, знает больше, чем я. А я со своим высшим образованием, не знал ответа, не на один вопрос. Почему так? Может быть, наша система образования порочна? Может быть, я просто оступил от своей диссертации, и больше ни чего не вижу? Тут его колонуло, «что завтра, надо нести доктору Шпильману, вторую и третью главу, а их нет». Но через минуту Дима успокоился, вспомнив, что он теперь находится под крылом своего Ангела Хранителя. «Мой Ангел Хранитель не допустит завтра моего унижения».

Наступило завтра. Дима принял утром прохладный душ, тщательно выбрился, оделся получше, постройже. Темные брюки, темные ботинки, белая рубашка и поверх нее, темно зеленый пуловер. Время было три часа, когда Дима твердым шагом вошел в кабинет, к доктору экономических наук Шпильману. Дима, сразу решил признаться, своему научному руководителю, что никакой работы у него нет. Но не успел он открыть рот..., как доктор Шпильман, усадил его на стул напротив себя, и мягко сказал.

– Молодой человек, я вижу, что Вы пришли ко мне, без второй, и тем более, третий главы..., это плохо. Но давайте поговорим сначала о первой главе, которую я успел посмотреть. В целом она написана не плохо, и это уже для нас с Вами «есть» хорошо. Но в видении, Вы совершенно не упомянули классиков Марксизма-Ленинизма, и это плохо.

– Борис Львович, я на пятой странице в видения, цитирую, Генерального Секретаря нашей партии Леонида Ильича, – «о борьбе африканских народов против колонизаторов, на Юге Африки...».

– Молодой человек, Вам надо процитировать Ленина, Энгельса, ну, на худой конец, Маркса, что они писали о Юге Африки, а Вы это упустили..., манкировали, так можно сказать, этими именами в своей работе...

– А, Борис Львович, они разве..., что -то писали о Юге Африки, мне казалось, что их работы были направлены....

– Молодой человек..., не надо спорить со мной. Классики, писали обо всем. А что касается, Юга Африки, то борьба угнетенных африканцев, там продолжается уже триста лет. Так, что вы думаете, Карл Маркс или Ленин, не знали о борьбе африканского народа против апарте-

ида. Наверняка знали, вот по этому, найдите их публикации по вопросу борьбы африканского народа против колонизаторов, и процитируете их, понятно?

– Понятно, Борис Львович.

– А что касается других глав, которые вы должны были принести мне сегодня....., и Шпильман внимательно посмотрел на Дмитрия. – Давайте ..., давайте договоримся с Вами, что в начале сентября, Вы их «железно», мне принесете. Ах, простите меня, молодой человек, за, такие слова....

Через пятнадцать минут, Дима вышел на улицу, сел на ту же скамейку, на которой сидел два дня назад в полном замешательстве, и подумал, – «что все в жизни относительно, что жизнь идет полосами: то белая, то черная.... . Что все, замечательно, потому что у него, появился Ангел Хранитель, и он Диму, в обиду не даст». «Раньше, – размышлял Дима, – он тоже у меня был. У каждого человека есть Ангел Хранитель. Но для того чтобы он активно вмешался в твою судьбу, видимо, надо с ним познакомиться. Вот я с ним познакомился, и теперь нужно прислушиваться к его знакам, к его присутствию. Вся наша жизнь, вся наша судьба записана божественными знаками на скрижалях, только современный человек не умеет их читать. Скажем, хочет юная девушка выйти замуж, мечтает о суженном, думает о нем, и вот он появляется, и она собирается за него, замуж. А спросить не у кого, как сложится жизнь у нее с ним? Какой он, не подведет ли ее, не оставит ли ее, на длинном жизненном пути? И вот в такой не простой для нее ситуации, она идет по улице, чтобы встретится со своим избранником и пойти подать заявление в Загс. И проходя мимо играющих детей, она слышит, как один из них кричит другому, – «Сергея, не бегай через улицу, там машины, там опасно, задавить тебя могут...». Это ее Ангел Хранитель, подает ей знак, что бы она не спешила в Загс..., и если она чувствует присутствие своего Ангела, то она прислушается к этому знаку (крику). Но как правило люди не замечают своего Ангела Хранителя, они...»

– Привет Дим, на той же лавочки, и в том же дворике...

– Привет Галь.

Перед Димой, как вы догадались, стояла его мечта, его тайная муза, его предмет восхищения и сексуальных желаний. Она как всегда была, ослепительна хороша и ее загадочная улыбка блуждала по ее божественному лицу.

– Ну, что Шпильман? Топал ногами, и грозил тебя не допускать к защите кандидатской диссертации?

– Да все хорошо Галочка, все отлично, все просто замечательно.

– Но если так, то может, это дело отметим?

– Давай отметим, – загорелся Дима, но тут же и потух, вспомнив, что у него в кармане, один сморщенный, зажеванный, «рыжий» рубль, который он обнаружил в ящике стола на Кантемировской, и на который не разгуляешься. Галя пока не понимала, что происходит в голове у Димы, а Дима, тем временем, быстро соображал, у кого «стрельнуть» денег, потому что судьба давала новый шанс.

–Посиди здесь минуточку, я сейчас, – и Дима метнулся в свой отдел, документации и научной информации.

В отделе ни кто не работал, потому что слушали Леонида, который, как петух, одетый в красную рубаху рассказывал, как он переводил итальянский фильм, не очень хорошо зная этот язык.

– Представляете граждане, там по тексту все время какие -то деньги обсуждаются, а я не врублюсь какие, ну я и давай их «подавать», как тринадцатая зарплата, и чудо, к концу фильма все «срослось» вроде это действительно тринадцатая зарплата. Я расслабился. Все хорошо. Фильм перевел, иду деньги за перевод получать. Вдруг входит в помещение, такой сухой старичок, и спрашивает, а кто переводил итальянский фильм? Ну ясный пень, на меня все показывают. Он подходит и говорит, – «молодой человек, больше никогда не переводите итальян-

ских фильмов». Все в отделе восторженно смотреть на Леонида, ожидая продолжения, когда Дима, неожиданно громко говорит.

–Эй, переводчик итальянских фильмов, не выручишь деньгами до получки?

Ленька поморщился, от неожиданного вопроса Димы, не потому, что не хотел давать денег, нет совсем не от этого. Он был добрый малый, и Дима к нему испытывал дружеские чувства, да и Леонид относился к Диме по доброму. Просто Дима нарушил творческий процесс его выступления перед народом.

– Сколько тебе надо, – спросил он мрачно Диму, опуская руку в свой боковой карман.

–Десять рублей, сможешь дать?

–Десять рублей смогу тебе дать до получки, но в следующий раз, когда я что ли бо..., буду рассказывать..., не надо меня перебивать, понятно?

Дима, получив от Леонида вожаденную «десятку», выскочил на улицу. Он уже не слышал, как Леонид, до рассказал свою историю, и тем более не видел, как Ольга, воспитывающая двоих детей без мужа, занимала деньги у Леонида, и как другие сотрудники отдела, вставляли к нему в очередь, что бы занять деньги до получки.

Галина Ивановна ждала его, сидя на той же лавочки, разглядывая кусты сирени и прикрывая лицо от ярких лучей солнца, которые, случайно пробивались сквозь листву.

– Ну, куда пойдём, – спросила она Диму, своим мяукающим голосом.

– А куда угодна. Хочешь, пойдём в кофе «Адриатику», хочешь в «Валдай», хочешь в «Лабиринт»...

– А, пойдём Дим с тобой.... Нет, лучше поехали ко мне в Чертанова, у меня там на Днепропетровской улице, находится отличный продуктовый магазин. Купим там все, если не все, то рядом магазин «Океан». Дима мгновенно согласился, только спросил.

– Галь, а как же работа, сегодня среда...

– А я отпросилась у начальника..., мне сегодня надо быть на собрании кооператива нашего дома...

–А-а-а-а....?

– Но, увидела тебя, и мне что – то не захотелось сидеть на собрании. – А ты почему не сидишь в отделе....?

– А, мне разрешили сегодня не присутствовать, так как я (и все это знают) встречаюсь с Шпильманом....

– Но и отлично, поехали в Чертаново.

Они незаметно дошли до метро, потому что Дима не переставал рассказывать Гали, о недавно прочитанной книге на английском языке « The happy hooker», где речь шла о американской проститутки, которая сделала состояние занимаясь этим ремеслом в Нью-Йорке. Галья, подходя к метро, пыталась уговорить Диму ехать на такси, но Дима с целью экономии денег, так энергично и весело передавал содержание книги, что они не заметили, как вошли в метро, и как доехали до станции «Южная». Выходя из метро, Дима продолжал рассказывать.

–Представляешь, в этой книге есть такая классная глава, которая называется «Bum, bam,thank you mam», в этой главе героиней описаны случаи из ее жизни с извращениями. -Там один клиент приглашал ее к себе в дом, одевал ее в эсесовский плащ, прямо, на голое тело, а сам, представляешь Галь, одевался в полосатую одежду заключенного, и просил ее, что бы она избила его, после этого у него возникала эрекция и он в конце, концов получал удовлетворение. И платил ей за такое представление пятьсот долларов. –

–А другой клиент предлагал ей тысячу долларов, за то чтобы она изображала Марию, которая, якобы во время шторма спасла Марка Пола. Представляешь, Галь, наша героиня Мария, а ее клиент Марко Поло. Ужас! А еще один перец, старый дед, платил две тысячи долларов, за то, что бы девушка одетая только в «ночнушку», представляешь..., перед ним, какала на золотое блюдо, а он..., представляешь Галь, это все ел ложкой...

– Дим хорош, эту гадость рассказывать, а то меня сейчас вырвет.

Дима замолчал на несколько минут, а Галя его спросила.

– И кто ж тебе книжки то дает такие? И зачем ты гадость такую читаешь?

– Мне скоро экзамен по английскому надо сдавать, кандидатский минимум. Вот, я и тренируюсь.

Зашли в один продуктовый магазин, на прилавках, вонючая колбаса, вина нет, водки нет, пива нет, сыра нет, ни чего нет. Есть только спички, соль и хлеб. Зашли в другой. Там обнаружили портвейн «Три семерки», и была в продаже водка, правда была очередь на полчаса. Когда Дима с Галей подошли к прилавку, водка кончалась, и Дима решил купить две бутылки портвейна, по цене один рубль пятьдесят три копейки за бутылку. Купив портвейн, Дима чувствовал, что этого мало, Галя, как он замечал, хотела «загулять». «Надо бы еще купить водки, – напряженно соображал Дима, – вот только где ее взять?» На выходе стоял не бритый малый.

– Водки надо? – спросил он, наклонившись к Диме.

– Надо.

– Гони пятерку.

Дима сразу протянул ему пять рублей. Не бритый скрылся в соседнем дворе. Через десять минут его еще не было, через пятнадцать, Галя сказала печально.

– Видимо, Дим, тебе придется пить мой портвейн.

Вечерело. На магазине «Океан» появилась ионавая рыба, плывущая, в пустоте сиреневого вечера. Неожиданно из соседних кустов появился не бритый парень и протянул Диме бутылку водки.

– Извини, что так долго. Менты в магазин нагрянули с проверкой, пришлось ждать.

Потом Дима с Галей зашли в магазин «Океан», и на оставшиеся деньги купили селедочное масло, две банки «прибалтийских шпрот», и банку «сайры». Еще, у какой-то старушки купили укропа и лука.

В квартире у Галины Ивановны, на Днепропетровской улице Дима бывал не однократно. Но, в этот раз, находясь на кухне и помогая Гали сервировать стол, укропом и луком, открывая банку со шпротами, и наливая портвейн в бокал, Дима почувствовал, особенно остро, когда Галя надела фирменный фартук, и начала чистить картошку, что он любит эту женщину больше всего на свете. Ее руки, чистящую картошку, ее завитки волос на голове..., ее манера все пробовать, что она готовила, и улыбаться, своей бесконечной улыбкой, никогда нисходящая с ее лица, придавала этой женщине такой шарм, который никогда не видел Дмитрий, в своей жизни, ни до, ни после. Да, он любовался ей, да, он любил ее, но он боялся признаться в этой любви себе. Он боялся своей любви. Он носил эту любовь в своем сердце, и до конца не понимал, что любит Галину Ивановну. Ему надо было кричать, о своей любви, но его хватало только из-под тешки смотреть на объект своего восхищения, и что то отвечать невпопад Гали, которая рассказывала о своей двоюродной сестре.

Потом они выпили. Галя свой дешевый портвейн, Дима «маханул» водки. Закусили отварной картошечкой с шпротами. Выпили еще. Дима находился на «седьмом небе». «Как здорово, что Галка поругалась с Андреем, как замечательно, мы с ней сидим у нее дома. Как я люблю ее, как я люблю ее дом, ее голос..., – думал Дима. В это время, раздался телефонный звонок.

Дима напрягся, «наверное, – подумал тоскливо он, – звонит Андрей», но это был не Андрей, а мама, Галины Ивановны. Пока Галя разговаривала по телефону, Дима от нечего делать, крутил пепельницу стоявшую на столе. На боку пепельницы, были написаны, непонятные слова «еипла епелгелматика...». Вошла Галя, Дима указывая на пепельницу спросил.

– Галь, что за язык, о чем здесь идет речь?

– Не обращай внимание, что то на греческом языке..., типа, бросай окурки куда следует..., но может я ошибаюсь. И она заулыбалась, своей волшебной улыбкой.

Затем они еще выпили, и Галина Ивановна, незаметно начала рассказывать Диме, как она с мужем, с которым в данный момент, находилась в разводе, ездили по линии ООН в Африку.

– Представляешь Дим, мы с мужем совсем молодые ребята... Сколько нам лет то было? Сама себе задала вопрос Галя.

– Лет двадцать нам было, и мы в Эфиопии, строим дорогу. Ну что я говорю, конечно, не мы строим дорогу, а строители, а мой муж, там работал переводчиком, а я при нем, его жена. – Живем в тропическом лесу, в вагончиках, но очень комфортных вагончиках. Вода, холодная, горячая, туалет, душ, питание великолепное.... что еще надо? – И платят, Дим, представляешь, две тысячи американских долларов в месяц.

Дима не представлял, но понимал, что это очень много. Он налил Гали портвейна, а себе водки. Они выпили и Галя продолжала.

– И представляешь Дим, целый год жить в тропическом лесу. Змей ползают, пауки, на вид, очень страшные, сидят у тебя под кроватью. Бегемоты, пасутся, как коровы, рядом с домом. Жирафы, задрав свои головы к небу, щиплет листочки с деревьев, ну сплошные тропики, Дим. А надо работать, некогда, понимаешь, любоваться тропическим лесом.

Дима заметил, что Галя, стала пьянеть.

– Но, ты, Галь, вроде при муже, наверное, ты не работала? Тебе можно было разглядеть тропический лес...

– Дим, слушай, не перебивай меня.... И вот, ты правильно отметил, я познакомилась, от скуки, с одним американцем. А он..., – налей еще вина.

– Может, хватит Галь?

– Нет не хватит, наливай..., и слушай дальше. Его звали Керт, его родители переехали в Штаты из Швеции. И он был, представляешь Дим, из Корпуса Мира, а у нас была установка..., не общаться с такими людьми. Нам говорили..., что они все агенты Центрального Разведывательного управления США. А я, несмотря на все установки и запреты, познакомилась с ним. Отличный парень, жил на берегу реки в палатки, наблюдал за бегемотами и крокодилами, по образованию биолог.... Дим, давай еще мне портвейна налей, а то я как вспоминать начинаю, этого Керта, то расстраиваться начинаю...

– И вот дело дошло до того, что я, представляешь Дим, влюбилась в него по «уши», и он, я чувствовала, меня тоже любил....

– А, как же твой муж, Галь, на это смотрел?

– Да он, ни как, не смотрел. Целый день на работе, а потом пьяный домой приходит, валится на кровать, а утром опять на работу. Я его там, в Эфиопии, трезвого не видела. Напряженная работа, большая ответственность..., уставал, вот и начал пить, это одна из причин, почему я с ним развелась. А так умный, талантливый парень, но без того, чтобы не выпить бутылку виски, домой не приходил. Но а я, тем временем, подружилась с Американцем.

Галина Ивановна задумалась, закурила сигарету, сделала несколько затяжек и продолжила свой рассказ.

– Дошло до того, что я у него в палатке целый день проводила, славный был парень, учил меня ездить на лошади. У него была лошадь..., не веришь?

– Верю, Галь.

Еще меня обучал на джипе ездить по джунглям..., – Галя, опять затянулась, и мечтательно сказа, – классное время было.... Приглашал меня замуж, представляешь Дим, замуж.

Дима судорожно представил, что если бы Галина Ивановна вышла замуж за этого американца, то они сейчас не сидели так уютно на кухне, на Днепропетровской улице.

– Налей еще, Дим, и притом водки, меня, что-то портвейн не берет.

– Галь, может достаточно. А то развезет тебя, притом, ты смешивать начинаешь, портвейн, водка...

– Дим, налей водки, женщина тебя просит, трудно, что ли? Видишь, разволновалась я, нахлынули на меня воспоминания тех далеких дней. Эфиопия, Керт, и я, такая еще молодая....

– А ты что считаешь себя сейчас старой? Тебе еще и тридцати нет.... Интересно, что ты будешь говорить, когда тебе скажем, будет пятьдесят лет.

– Ой, Дим, я до такого возраста не доживу, мне даже страшно отмечать мое тридцатилетие, а ты пятьдесят лет...., это не реально.

Выпив водки, и заев ее, остывшей картошкой и слипшимися шпротами, Галина Ивановна продолжила свое повествование.

– Вот пришло время, нам уезжать из Эфиопии, контракт закончился, дорогу достроили... А я, понимаешь, люблю Керта, не хочу ехать в Москву, а хочу ехать с ним в Соединенные Штаты Америки...

– А как же муж, как же ребенок, у тебя по- моему, уже дочка родилась?

– Верно, ты говоришь, но я решила, что муж, обойдется..., а вот мысли насчет дочки, очень тревожные были. Но думала, если в Штаты переберусь, то и дочку со временем к себе заберу. Мы с Кертом это обсуждали. Он меня бывало, обнимет, и на ушко шепчет, шепчет, «мол милая моя, поехали ко мне домой, в Америку, у меня мама такая хорошая, братья такие замечательные. Будешь жить со мной в большом доме в штате Алабама, и дочку твою будем воспитывать, и детей еще нарожаем... У меня хорошая зарплата в Штатах будет, я сейчас получаю мало, но в Штатах буду получать много. В Корпусе Мира, когда работаешь, тебе платят мало, – Керт объяснял мне, – тысяча долларов, но по приезду в Штаты, представителя Корпуса Мира, сразу устраивают на высоко оплачиваемую работу и платят три-четыре тысячи долларов...

– Галь, а что это за организация Корпус Мира?

– Ну, как я понимала, эта правительственная организация, которая набирает добровольцев, для работы в Развивающихся странах. Помощь в образовании, помощь в экологии, помощь голодающим странам. Ну, например, приходит гуманитарная помощь в Эфиопию, и эту помощь, кто-то должен контролировать, кто-то принять, распределить..., а то все разворуют. Вот одна из миссий, Корпуса Мира.... Керт занимался экологией, он биолог, я уже говорила... И вот пошла последняя неделя нашего пребывания в стране. Мой муж не «просыхает», с утра до ночи пьяный..., сдружился с такими же парнями... тоже переводчики..., и вот они перед отъездом домой в Москву, каждый день попойки устраивали. И я решила, – «все, бросаю своего мужа и ухожу к Керту». Собрала, кое, какие свои вещи, сложила их в спортивную сумку, взяла паспорт..., дня три оставалась до возвращения на родину. И темным вечером..., а тропические вечера темные претемные.... Ты знаешь Дим, в тропиках нет понятие вечера, нет сумерек, и нет рассвета, Солнце резко садиться под прямым углом, был день, раз, шесть часов вечера и уже ночь, и мириады звезд на небе. Муж пьянствует с друзьями переводчиками, а я иду к Керту по дороге, через Национальный парк Эфиопии (Заповедник, по- нашему), а на самом деле – тропический лес. Идти не долго, около километра, минут двадцать. Иду, значит по дороге, в руке спортивная сумка, под ногами ничего не видно, ели дорогу различаю в темноте, боюсь, на какую ни будь змею наступить. Иду, сама трясусь, и от своего поступка, и от дороге, через джунгли. И вот, представляешь Дим, – налей еще водки. – Дима налил, себе и Гали. – Иду, зубы стучат, страшно так, что ты даже себе представить не можешь, темнота кромешная, а над головой звезды, и Южный Крест- созвездие такое, никогда не видел, Дим? Красоты неопишуемой. Иду значит, свет наших окон в домиках, уже не виден, пыл мой и уверенность начинают уменьшаться с каждым шагом. Я за эти пятнадцать минут столько передумала, наверное, больше чем за всю свою жизнь, и вот остается пройти совсем немного, метров триста, я уже вижу, представляешь Дим, уже вижу палатку Керта на берегу реки, лес начинает

редеть, я прибавила шаг. Все, я окончательно принимаю решение, я рву с мужем, с Родиной..., шепчу, «Господи прости меня великодушно за мой поступок...», и тут из соседних кустов, раздается душе раздирающий крик, леденящий кровь, какого то животного, видимо разорванного на смерть, тигром или львом, может пантерой, я не знаю, но, они там водились в изобилии. И тут Дим, все, нервы мои не выдержали..... -Налей еще водки,— Галя тяжело вздохнула, видимо снова переживая тот ужас, который она испытала тогда, в Эфиопии. Они снова выпили, но, уже не закусывая, потому что Галя «находилась в Национальном Парке Эфиопии», а Дима, настолько представил эту картину, что виртуально, тоже улетел в Национальный Парк, следом за Галиной Ивановной.

— ...нервы мои не выдержали этого испытания, и я как рванула назад, со страшным криком, притом бросив сумку, и скинув с ног босоножки. Я в жизни так не бегала, я добежала до наших домиков, мне показалась тогда, за три минуты. Ворвалась к мужикам- строителям, которые жили в первых домиках, в таком ужасном виде..., и кричала, что «его съели, съели, и что надо спасать...», они поняли, что случилась беда.... Быстро собрались, их было человек шесть, и с фонарями пошли спасать, искать....не понятно, правда, кого?. Сумку мою и босоножки мне принесли.... И самое интересное, что никто из них не спросил меня, что я делаю в тропическом лесу, темной ночью, с спортивной сумкой в руках? Вот так закончилась эта история, с моей любовью к Керту. Галя опять тяжело вздохнула, и закурила сигарету.

— Я Дим, его больше не видела. И мы с мужем вернулись в Москву, но дальше, ты все знаешь...

— Галь, а у тебе с этим Кертом, секс, был? — Бестактно спросил Дима, потому что был пьян.

— В том то и дело, Дим, что ничего не было...., а жаль.

Потом они выпили еще и еще. Галя включила магнитофон, и полились мелодии в исполнении Том Джонса....., « I am full to want you...» . Дима понял, что пора приглашать дам, и дама не отказала.... Они медленно топтались, по середине комнаты, плотно прижавшись к друг другу. Его губы, стали искать ее губы, но не находили их.... Дима не спешил, у него не было жены, у него не было даже любимой девушки, у него была Галина Ивановна, и она всегда для него была виртуальным объектом его чувств, и сейчас, в данный момент, она стала реальной. Вот она рядом, и он чувствует..., остро чувствует, запах ее волос..., запах ее тела. У него кружилась голова, но не от алкоголя, а от запахов желанной женщины. Он снова попытался найти ее губы, но не нашел, и стал целовать ее в шею. Галина Ивановна не сопротивлялась, и Дима чувствуя это, все больше и больше привлекал ее к себе, а Галя, (как делала Людка) норовила прощупать своей коленочкой, достоинства Димы. Так они двигались в центре комнаты, делая вид, что танцуют или не танцуют, но Диме было хорошо. Он сильно возбудился и тяжело дышал, а его не маленький солдат уперся Гали в ногу. Потом неожиданно для себя, Дима храбро, сунул левую руку под сарафан Галины Ивановны и его рука легко, подняв сарафан, начала гулять по бедру Гали. Дальше не получая сопротивления, Димина рука нагло, очутилась между ног его великолепной подруги, и начала ласкать и гладить бугорок с маленькой пещеркой, которая тут же наполнилась слезинкой, видимо умоляя о пощаде. Его солдат разрывал брюки, его рука была уже в божественной пещерке Гали, а Том Джон уже пел о «Зеленой траве около дома своей любимой женщины, и эту траву, он все время касается...». У Димы помутилось сознание. Он понял, что победа близка, что женщина, о которой он мечтал столько лет (целых три года) уже, почти его. И он кинулся в последнюю атаку, только не знал где это сделать, либо прямо здесь в комнате на полу, либо отнести Галю в спальню. Голова кружилась от вожделения, и плохо соображала... Дима аккуратно положил Галю на пол, задрал ей сарафан и немного подняв ее ноги, и снял с нее ее трусики. Затем правой рукой начал расстегивать свой ремень (ремень не поддавался), а левой рукой поддерживал Галины согнутые ноги в коленях. В это время, перед ним раскрылась такая восхитительная картина женской

красоты, которую Дима со своим богатым сексуальным опытом, ни когда не видел до этого. Руки его тряслись, ремень выворачивался в руках, солдат так выпирал, что не было никакой возможности его вытащить из брюк. Но самое ужасное и неприятное для Димы произошло чуть позже, тогда, когда он вытащил наконец своего огромного солдата..., и в этот момент..., в этот момент, Галина Ивановна, вдруг, ногой жестко, уперлась в грудь Димы и зашипела.... «Что ты делаешь Дима, что это значит... , ты хочешь меня трахнуть прямо на полу..., ты сума сошел, ты сумасшедший..... Мы с тобой друзья..., я не трахаюсь с друзьями..., прекрати..., ты мне делаешь больно.... Сейчас же прекрати, я буду кричать.... И Галина Ивановна, его Галина Ивановна, так думал Дима, грубо оттолкнула его ногой в грудь, а другой ногой в лицо. Резко вскочила на ноги, и закричала...

– Ты что не знаешь, что я люблю Андрея, идиот..., я люблю Андрея, Андрея, а не тебя... Андрея я люблю.

И Диме показалось, что Галя специально так кричит, что бы в ее любовь поверил не только Дима, но и она сама. Он тоже вскочил на ноги и пытался ее успокоить. Нет, перед ним стояла совершенно другая женщина, не милая, нежная, Галина Ивановна, а страшная, фурия, которая продолжала жутко кричать.

Лицо Димы исказила дикая гримаса, ему захотелось убить эту женщину, женщину, которую он минуту назад так любил. Он схватил ее за плечи, и стал трясти, «прекрати орать, слышеш, хватит...», но Галина Ивановна не слышала, у нее была истерика. Она выскочила на кухню, и сев за стол, начала, дико по нему стучать кулаком, и продолжая кричать. « Я люблю Андрея, люблю, люблю..., люблю, А ты убирайся, убирайся..., ты поддон, хотел воспользоваться тем..., что я пьяная....», – и слезы градом катились по ее лицу.

Диме, вдруг стало жалко Галину Ивановну, он захотел обнять ее и успокоить...

Но, она не унималась. Ее плечи вздрагивали, кулаки были сжаты и обидные ее слова, словно осы, жалели Диму, прямо в сердце.

– Как ты смел..., думать, что я пересплю с тобой..., ты же знаешь..., что я не люблю тебя, и никогда не полюблю. Ты... поганец, который напоил меня, и хотел этим воспользоваться. Как тебе Дима не стыдно..., друг называется. Ты сволочь, а не друг. Ты хуже, любого сантехника.... Ты смеялся над старенькими докторами, что они пристают ко мне, но они это делали галантно. А ты? Ты хуже любого водопроводчика, хуже любого слесаря, ты хуже любого бомжа. Терпеть тебя, ненавижу.... Ты мразь, ты мерзкая мокрица...

– Галя, что ты говоришь, успокойся..., я не достоин таких слов..., ты наверное сошла сума....

– Я сошла сума? Это ты, как червь вполз в мою душу..., и хотел воспользоваться моей слабостью..., но тебе этого не удалось..., и запомни, не удастся никогда. Никогда тебе это не удастся!

Это уже был удар ниже пояса, это удар был просто по яйцам. Дима побледнел, схватил со стола не открытую бутылку портвейна и шарахнул ее об пол. «На», – закричал он. Бутылка не разбилась, она просто взорвалась, наполнив кухню мелкими осколками и огромным красным пятном во весь пол. Галя мгновенно замолчала и судорожно смотрела на Диму. А Дима с перекошенным от злобы лицом, не вышел, а выбежал из квартиры и громыхнул дверь так, что на лестничной клетке, отвалилась лампа освещения.

Он не шел, он бежал по улице, его трясло, его всего корежило. – «Ах вот как, значит я поддон, я говно, я мразь..., и хотел изнасиловать..., подпоив святое существо...., которое любит благородного Андрея». Дима был просто в бешенстве, – «ее слова, она не любила меня и никогда не полюбит, не полюбит..., а я дурак..., мечтал о ней, думал о ней..., так трепетно к ней относился..., надо было убить ее сегодня, чтобы никому не досталась, убить ее и все..., а потом себя. Два гроба бы стояли в актовом зале института Африки...и вот тогда все бы говорили, ах как, как он любил ее, как любил...».

На углу, какого – то дома стояли два пьяных мужика, Дима прямо выскочил на них. «Эй, – начал один из них, – дай закурить Москва...», – и схватил Диму за руку. Это была его роковая ошибка. «На». – Дима с огромной силой ударил мужика в челюсть, и мужик сразу рухнул на асфальт, второй мгновенно скрылся в кустах. Дима, не оглядываясь, продолжал бежать, – «никогда тебе этого не удастся... запомни. – Да, Галина Ивановна, я этот вечер хорошо запомню». Метров через триста, Дима, наконец, остановился, не понимая, куда он забежал. Часы, висящие на столбе, показывали половина третьего. Ему вдруг безумно стало жалко себя, и хотелось плакать.

На следующий день, проснувшись в шесть часов вечера, Дима плохо помнил, как попал на Кантемировскую, и что произошло накануне. Тело все ныло и болело, как будто его всю ночь били деревянным мячом. Вставать совершенно не хотелось, – «хорошо, что сегодня пятница, библиотечный день, в институт не надо идти», – сквозь дрему просочилась первая мысль, и Дима опять окунулся в глубокий сон.

Видит себя идущего по полю, солнце уже садиться, но очень тепло. Чувствует запах теплой земли и скошенной травы, и ему так хорошо, так хорошо.... И вдруг навстречу ему, бежит, нет летит, в васильковом платье Галина Ивановна. Она распахнула руки, и улыбается Диме, своей неземной улыбкой. Дима тоже развел руки и хочет ее поймать, и прижать к себе....., но Галина Ивановна пролетает над Димой...., и обнимает кого -то за его спиной. Он слышит смех, поцелуи.... Обращивается, о Боже...., Галина Ивановна обнимает и целует.... Андрея. И Андрей ехидно улыбается ему. Толчок, Дима просыпается, в окно смотрит жирная, желтая луна...., на часах половина третьего.... Дима вскакивает с кровати...., он все вспомнил. Квартира Галины Ивановны в Чертаново, ее рассказ о любви к американцу в далекой Эфиопии...., странное ее поведение...., потом этот портвейн в пол... . Потом, безумный его бег по улицам Москвы...., «какие то пьяные привязались, и я кажется с ними подрался, вот почему правая рука болит», потом его подвез без платно на поливальной машине, какой-то приятный молодой парень, ивот он проснулся. Дима прошел на кухню, попил воды...., – «пить надо меньше водки, Глинский, тогда и жизнь наладиться», – пришла ему в голову простая мысль. «Ты посмотри на себя, каждый день ты «поддаешь», то с Галиной Ивановной, то со своими «бойцами» из института, то просто сам, приходишь сюда на Кантемировскую (язык не поворачивался назвать эту квартиру, домом), и «жрешь» в тоске водку. Это дело может закончиться циррозом печени, или еще чем, ни будь. Надо делом заниматься, тогда и пить будешь меньше», сам с собой беззвучно разговаривал Дима. «А я делом и занимаюсь, вот диссертацию пишу. Ха-ха-ха, – засмеялся кто-то внутри него, – он диссертацию пишет, ты ее пишешь уже год, а толку нет...., это не работа над кандидатской, а само обман, ты делаешь только вид, что пишешь.... . Морочишь яйца, (правильно сказал тебе доктор Шпильман) себе и другим....». Дима вернулся в комнату и лег в постель, «ладно, надо спать, уже три часа ночи», но огромная, полная луна, очень вяло уходила за крышу соседнего дома и продолжала светить в лицо Димы. Он встал, задернул штору и снова лег, но сна не было. «Почему, у меня так получается...., – опять зашевелились мысли в голове, – вроде не дурак, где то симпатичный малый, сексуальный...., а в жизни не везет, с девушками не везет.... а что касается денег, то они просто избегают меня...., что за черт? Да ладно придумывать, не везет ему...., все у тебя было, сам своими руками все разрушил.... . Ты просто относишься к таким людям, что когда тебе хорошо, это тебе не надо, ты вроде, выше всего этого. Квартира, семья, любовь близких людей...., зачем тебе это? А потом, сам себе, начинаешь истязать, мол, я неудачник. Да все у тебя отлично старик, надо спать, «утро вечера мудренее».

В субботу вечером, неожиданно для Димы, по телефону позвонила Галина Ивановна.

– Дим привет. Это Галя, узнал?

– Да. Он, конечно, узнал ее. Он узнал ее среди многих тысяч женщин, если так бы случилось, что они все захотели позвонить Диме одновременно – Да, Галя, я тебя слушаю.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– А то я начала волноваться за тебя....., ты в таком состоянии от меня ушел....., что я всю ночь не спала, беспокоилась....., как бы с тобой, что не случилось.

– А что может со мной произойти? И тут же в голове у Димы пошли мысли, «она беспокоилась обо мне, всю ночь..... Сначала безумно меня обидела...., а потом беспокоилась. Вот сущность женщины – сначала оттолкнуть, потом приблизить и делать это без конца».

– Ну, что угодно, шпана, там разная может пристать...., у нас район, очень хулиганистый...

– Галь, да все в порядке.

– Точно в порядке...?

– Точно.

– А тогда скажи мне, Дим, если в порядке, ты зачем бутылку портвейна разбил...., я вчера целый день кухню от него отмывала, и осколки собирала. Что на тебя, Дим нашло? Сидели мирно, попивали вино, я помню тебе, про Эфиопию рассказывала, как мы там с мужем работали....., а потом, ты почему озверел, начал кричать на меня и разбил бутылку...., и убежал в ночь. Дим, что случилось с тобой....? У тебя, наверное, от алкоголя «белая горячка» началась.... Ты давай прекращай пить, а то это может больницей кончиться....

– Да, не волнуйся, все в порядке. «Во дает, по разговору чувствуется, что ничего не помнит....., – мелькнула мысль в голове у Димы, – и это очень хорошо, что не помнит, а то, как бы мы смотрели в глаза друг друга, встречаясь на работе».

– Не волнуйся. Ты меня так напугал, я подумала, когда ты от меня убежал, что я тебя больше не увижу. Да еще сон приснился, такой страшный, престрашный, что война, и тебя забирают на эту войну, и что я твоя жена....., и мне приходит похоронка, что ты.....

– Убит?

– Дим, слушай не перебивай....., что ты пропал без вести....., и я так горько плачу....., представляешь Дим, вся в слезах проснулась, и не как не могла понять, сначала, когда проснулась, сон это или явь?

– Галь? Скажи....., ты меня, хоть немножко любишь?

– Дим, что ты дурацкие вопросы задаешь, конечно, люблю....

– Э.....

– как коллегу, как хорошего парня....

– И все?

– А что ты хотел, что бы я, старая больная женщина, на старости лет полюбила тебя....., я тут одного полюбила....., работника церкви....

Дима понял, что нужно переводить разговор в другое русло.

– Галь не помнишь, начальник наш не собирается отдел проводить в среду?

– До среды еще далеко, сегодня только суббота, и чем ты, Дим, собираешься заниматься сейчас?

Вопрос был явно с скрытым смыслом, и Диме ужасно захотелось поехать к Галине Ивановне и опять сидеть с ней на кухне и слушать рассказы о других ее похождениях. Но, он сдержал себя, понимая, что после вчерашнего лучше сделать паузу.

– Съезжу, сегодня к своим, сына навещу.... (Дима собирался навещать сына в воскресенье).

– Так, время сколько, та его ночью собираешься навещать?

Дима взглянул на часы, на часах было восемь вечера.

– Нормальные папаши, детей навещают с утра....

«Да, в голове все перевернулось, с моим сном, которые продолжались двое суток подряд...»

– Да Галь, ты права, уже поздно.....

– Дим, давай купи чего ни будь и ко мне «подгребай».

Дима неожиданно покрылся потом. – «Как к ней ехать? Хочется, конечно, ее увидеть, но после вчерашнего или даже позавчерашнего...., и денег, кажется, в кармане нет, – тоскливо подумал Дима, – как быть? Галина Ивановна, тебя приглашает..., к себе..., опять. Надо ехать», – определился Дима. Телефонная трубка ждала....

– Хорошо Галь....., сейчас приеду.

– Я тебя жду.

«Она ждет меня, ждет». – Сердце Димы затрепетало, он ту же полез в карман своей куртки и нашел там....только один рубль и сорок копеек. «И что делать? На эти деньги не разгуляешься...., – соображал он, – можно, конечно, купить бутылку паршивого вина, но что ни будь приличное.... ? Зачем согласился», – но мысль, что после всего пережитого, увидеть Галину Ивановну, будет «круто», очень возбуждало нашего героя.

Быстро одевшись, с мыслью, – «что денег надо занять у соседей, по лестничной площадке», – вышел из квартиры. Правда, он некого не знал, но это его не смущало. Справа жила мерзкая, толстая тетка, которая, как то устроила ему скандал. А слева... ? Дима позвонил. На вопрос «кто там», Дима, бодро ответил, «сосед».

На пороге своей квартиры, стояла очень худая женщина лет сорока, с большими круглыми глазами, за которой прятались двое мальчиков, видимо погодки.

– Здравствуйте. Меня зовут Дима, я ваш сосед. (и Дима ткнул пальцем в квартиру, где он временно проживал) И в этом месте, своей речи, Диме безумно стало стыдно, спрашивать, какие то деньги в займы. Заранее, предполагая, что женщина, открывшая ему дверь, живет скромно и одна воспитывает двоих детей. Он запнулся и покраснел. Женщина смерила его вопросительным взглядом и мягко спросила.

– Вы снимаете квартиру у Флегонта Ивановича?

– Да.

– И что Вы хотели?

Дима замялся, весь его пыл пропал, и он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Не могли бы Вы, выручить меня...., деньгами...., в размере....(Дима, здесь сильно задумался, он свой вопрос, пытался для себя определить, с финансовой возможностью соседки), трех рублей, – наконец выдал он из себя, заветное слово.

Женщина, без лишних слов, ушла в квартиру, и через минуту, появилась с тремя рублями в руке, и протянула их Диме. Дима не ожидал, что ему так легко удастся занять деньги, у не знакомых людей. Он даже прослезился, и стал говорить слова благодарности, не соответствующие, данной ситуации.

– Я очень, и очень, благодарен Вам...., я вам отдам ...эти деньги послезавтра...., Вы так выручили меня..., я бесконечно благодарен. Вы меня спасли, Вы... просто.... решили мою судьбу..., я отдам Вам деньги.... . И побежал вниз по лестнице, как на крыльях полетел.

Через час, Дима с двумя бутылками сухого вина и закуской к ним, стоял перед дверью Галины Ивановны. На его звонок в дверь, ему, почему то долго не открывали, а когда взлохмаченная Галя, ему открыла. Диме все стало ясно. В прихожей, он увидел модную кожаную куртку Андрея и его ботинки. Через минуту он увидел и самого Андрея, который, на кухне, одетый в домашний халат, разливал чай в чашки.

– Привет старик. Чай пить будешь? Просто так, легко, запросто, сказал Андрей, как будто они расстались вчера.

– Буду. Почему то закричал Дима и от этого крика, Галя, которая была в комнате, быстро вернулась на кухню.

– Так в чем дело господа?

Задала она вопрос и пристально посмотрела сначала, на Диму, потом на Андрея.

– Я чай предложил Диме, а он, почему то закричал, – объяснил Андрей.

– Не бузи, Дим, а то.... пойдешь домой, как в прошлый раз, – взяв его руку, тихо говорила Галя и показывала выразительно на Андрея, – «мол, приперся неожиданно, а что делать...?».

У Димы портилось настроение, «не сразу», и «не постепенно». Настроение, как –то, начало улетучиваться, через восприятие того, что он продолжает спать, и это сон. Что он в гостях у Галины Ивановны, а Андрей, это просто персонаж сна, и он сейчас пропадет, или исчезнет. Но, ничего этого не происходило, Андрей продолжал хлопотать с чайником, а Галя...., а ей, видимо было все равно, потому что она, делала вид, заботливой хозяйки. В дом, который, нагрянули гости, – много гостей. Она, что- то резала, что – то жарила, варила, пекла, пробовала.... Заправляла маеинез, и все приготовленное, посыпала специальным сыром (Где взяла? Где, где, Андрей принес, вот где), вызывая изумление и одновременно восторг, Димы.

– Ну, ребята, все готово,– весело сказала она, – мойте руки и садитесь за стол. Диме не хотелось мать руки, и садиться за стол, ему вообще уже ничего не хотелось. « Как бы, по быстрее, улизнуть от сюда,– думал он, моя руки в ванной и рассматривая себя в зеркало. Но немного побуду, для приличия, и пойду....., что- то лицо у меня не веселое....., не надо показывать это Андрею, а то начнет сейчас вые...аться, он же у нас в Епархии работает. Когда Дима сел за стол, Андрей уже, что то рассказывал, «если бы я был Фани Каплан,(Эссеревка, покушавшая на Ленина в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году), то я бы не промахнулся..., я бы этого Ленина, своими руками...

– Андрей, как тебе не стыдно, что ты говоришь. Ленин это святое....

– И живее всех живых... Твой Ленин, еще до Сталина, начал террор в России. Было выслано из страны, около двух миллионов интеллигентов и их семей. А кто это? Это, художники, артисты, литераторы, музыканты, священники, банкиры, промышленники...., А кто не уехал..., офицеры, дворяне, князья, бароны, всех расстреляли. Вот почему мы не видим на улицах Москвы благородных лиц, одни, «как писал Гоголь», свинные рыла! – Цвет нации бал уничтожен за пару лет. А этот благородный генофонд, создавался тысячелетием!

– Ну, ты не прав Андрей. Ты хочешь сказать, что Советская Власть, во главе с Лениным, только расстреливала и карала....

– Я тебе Галя, еще больше скажу, твоя Советская власть, устраивала бесконечные провокации...Феликс Дзержинский, тот еще был упырь, придумал операцию под названием «Трест». В чем там было дело?– Сам себе задал вопрос Андрей. – Представляешь Галь, чекисты собрали оставшеюся интеллигенцию в Москве, и говорят им, ребята Вы хотите нам помочь. – Вот тебе бы, Галь предложили, ты что отказалась что ли?

– Не знаю, наверное, согласилась.

– Вот и они согласились. Им предложили создать подпольное движение – «Трест», для свержения власти большевиков, под «крышей» чека.

– Я что-то Андрей не понимаю, а зачем?

– А вот зачем. Создав этот «Трест», чекисты показывали белоэмигрантам, которые находились за границей, что борьба в России, продолжается, что есть люди, которые борются против большевиков.– И в этот «Трест», потянулись люди из-за границе, терпеть не желавшие власть большевиков в России. А чекистам только того и надо было, как только с этим «Трестом» стали сотрудничать крупные белоэмигрантские партии, и они поверили в этот «Трест». Чекисты собрали их всех в Москве, конечно операция длилась не один год, и арестовали. И после не долгова суда, расстреляли. Притом и тех, которые на первых порах помогали им создавать этот «Трест»– приманку. Вот Галь, сущность твоих большевиков...

– Андрей, – вмешался в разговор Дима, который заметил, что Гали не очень нравится эта тема. Разоблачающая, методы большевиков, в первые годы Советской власти, – по твоему выходит, что у лидеров большевиков не было ни чего святого? – По твоему, они были враги своему народу, так что ли?

– Дим, больше книжек надо читать. А то ты уперся в свои бантустаны, и кроме своего апартеида на Юге Африки, больше ничего и не видишь.

Дима проглотил слюну, и желваки заходили на его челюсти.

– Мальчики, ладно Вам спорить о делах давно минувших дней, давайте лучше выпьем за нашу страну.

Галя и Дима выпели, а Андрей даже не поднял свой бокал, в котором было налито не много вина.

– Что за нашу страну не хочешь пить, – съехидничал Дима.

– Я люблю свою страну, но без большевиков, – мрачно сказал Андрей, затем встал из за стола и вышел на балкон. Галя тут же последовала за ним. Дима, поскучав несколько минут, начал собираться, что бы ехать домой. Когда он вышел в прихожую, включил свет и снял тапочки, появился Андрей с Галей.

– Подожди, вместе пойдем, надо поговорить.

– Куда же Вы?– Сделало озабоченное лицо хозяйка, – еще чай не пили с тортом...

– В следующий раз Галь, ехать надо..., – мягко сказал Дима и вышел из квартиры.

– Подожди меня на улице, – крикнул ему вслед Андрей

На улице уже темнело, несмотря на то, что был июнь. Дима стоял у подъезда, из которого вышел, и смотрел на ионавою рыбу, которая плыла над магазином «Океан» к своему океану и никак не могла доплыть. – «Какая глупая рыба, она плывет туда, куда нельзя доплыть..... Порой люди ведут себя так, как эта рыба.... и самое интересное.....»

– Хорош старик, пялится на баб...– вывел Диму, из его мыслей, Андрей, – поехали, подвезу тебя, и заодно поговорим.

В это время, мимо них проходила симпатичная, блондинка.

– Девушка, Вы не скажите, как найти Жар -птицу в этом районе..., а то мы с товарищем ищем, ищем, и не как не можем отыскать...

– Не там ищите...

– Правда? Подскажите нам, а то мы, совсем растерялись...

Девушка оценивающе поглядела на Андрея, на его машину, потом мельком на Диму.

– Записываете. Триста семьдесят пять, ноль восемь, двадцать три. Записали?

– Нет, повторите еще..., ручка... вот, плохо пишет...

Девушка повторила, – Зовут меня Настя, если будете звонить, то моей бабушке, передавать ничего не надо, она у нас в маразме.

И она скрылась в том же подъезде, где жила Галина Ивановна.

– Вот, видишь старик, жизнь прекрасна и удивительна. Поругался со своей подругой, раз, и уже другая, на крючке....

Они ехали по ночным улицам и свежий теплый воздух, влетал через окна в машину. Дима смотрел на дорогу, и вяло думал. –«Вот вроде вчера познакомился с Андреем, а уже прошло больше девяти месяцев....как много пройдено дорог, как много сделано ошибок»

– Старик, я хотел поговорить вот о чем.....

– Да, я слушаю Андрей.

– Поскольку ты, являешься ближайшем другом Галины Ивановны... . Она тебе очень доверяет.... Мне сейчас трудно говорить Дим.... Дело в том, что я очень люблю ее....

– Но как же, – не выдержал Дима, такого признания и такого поведения Андрея, которое он наблюдал пятнадцать минут назад, -как же, ты вроде поссорился с Галкой....

– Дим, слушай и не перебивай, я серьезно... я ее очень люблю...

Дима, наконец, понял, что Андрей не шутит, и ему стало очень плохо, несмотря на свежий воздух. Во рту стало сухо, и застучала кровь в голове, «.... Андрей, полюбил Галину Ивановну, вот так компот...., а я дурак, подумал, что все, роман их, пошел на убыль, что моя пора наступает...., что...»

– Ты слышишь меня..., вижу, слышишь..... мне сейчас очень трудно говорить. Но я прошу у тебя совета.... Я хочу развестись со своей женой и жениться на Гале....., понял?

Дима был в шоке. Он все ожидал от Андрея, но такого....

– А Галина Ивановна это знает, – наконец он выдал из себя, после минутного молчания.

– Еще нет, я боюсь ей это говорить.... . Вот по этому, я хочу, что бы ты ее подготовил...

– Но, Андрей..., ты такой бойкий, умный парень, что я буду лезть в ваши....

– Нет, Дим , ты не понял, я не боюсь ей сказать о своих чувствах..., я боюсь, что она не захочет выйти за муж ...за работника Епархии. Ты же знаешь, какая она....., не простая бывает...

– Знаю....

– К тому же...., ты же нас познакомил, вот давай, помогай. Сказавши А, глаголь Б, так написано в писании...

– И что я ей должен говорить....

– Не знаю, но ты, должен помочь мне..., а я тебе, это буду помнить всю жизнь...

Дима задумался, он не очень понимал, в чем должна заключаться его миссия.

– Но, я еще сам до конца не знаю, как тебе подготовить Галю....., давай завтра решим... .

Я завтра к тебе привезу книги...

– Опять...?

– Да, много книг, вот в спокойной обстановке, все и обсудим....

Наследующий день, после работы, Дима поспешил на Кантемировскую улицу. Андрей его уже ждал. Он сидел на кухне, как всегда пил чай и в руке у него была книга.

– Привет Андрей.

– Привет.

Дима, снял плащ в прихожей и вошел в квартиру. В комнате он увидел такое количество пачек, видимо с книгами, что вошел в легкий шок. Пачки были везде – много пачек. Они громоздились на шкафу, на подоконнике, на полу... под кроватью, на кровати... на стульях.... И огромными башнями возвышались почти до потолка...

– Ну, ты даешь, Андрей. Ты что, целый грузовик книг привез?

– Почти...

А.... ..

– Это сборник произведений Михаила Булгакова. Купил по случаю..... . Если хочешь, можешь поучаствовать в продаже, как при продаже книг Мандельштама. Я тебе могу продавать книгу.... по тридцать пять рублей, но помни..., помнишь, я тебе говорил зимой, лучше продавать оптом, сразу пачку, а в ней восемь книг.

– А что за произведения собраны в книге?

– «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Собачье сердце...» Совершенно уникальное произведение «Роковые яйца». Вот послушай,– « В 1919 году у профессора Персикова отняли из 5 комнат 3. Тогда он заявил экономки Марье Степановне – Если они не прекратят это безобразие, я уеду за границу.... . Намерение своего относительно заграницы Персиков не выполнил, и 20 й год вышел еще хуже 19 года. Произошли события, притом одно за другим. Большую Никитинскую переименовали в улицу Герцена. Затем часы, врезанные в стену дома на углу Герцена и Моховой, остановились на 11 с четвертью, и , наконец в террариях Зоологического института, не вынося всех пертурбаций знаменитого года, издохли первоначально 8 великолепных квакшей, затем 15 обыкновенных жаб и, наконец, исключительнейшей экзemplар жабы Суринамской.

Непосредственно вслед за жабами...., переместился в лучший мир бессменный сторож института старик Власов, не входящий в класс голых гадов. Причина смерти его, впрочем была та же, что и у бедных гадов, и ее Персиков определил сразу: – Бескормица. Ученый был совершенно прав: Власова нужно было кормить мукой, а жаб мучными червями, но поскольку

пропала первая, постольку исчезли и вторые. Персигов оставшиеся 20 экземпляров квакши попробовал перевести на питание тараканами но и тараканы куда то провалились, показав свое злостное отношение к военному коммунизму....».

– И что такие вещи большевики разрешали печатать? С удивлением заметил Дима.

– Будет время, прочти «Роковые яйца», рекомендую, гениальное произведение Булгаково.

– Да, у Булгакова, все гениальное... «Мастер и Маргарита...»

– Дим, роман «Мастер и Маргарита», знают все. А вот «Собачье сердце», «Роковые яйца», знают, только некоторые...

Дима взял книгу Булгакова, которую, только читал Андрей, и полистал ее. Книга была издана, в добротном переплете, и напечатана на хорошей бумаге.

– Да, хорошая книга, и в ней еще рассказы, напечатаны..., смотрю я.

– Старик, есть поле деятельности, давай подключайся... Деньги поднимешь, и культурный уровень свой повысишь.

И Андрей стал собираться, Дима смотрел на него недоуменно

– Ты вроде хотел поговорить со мной... о Галине Ивановне....

– Дим, давай как ни будь в другой раз, что то я сегодня устал, вон сколько пачек перетаскал... Я все помню, и к тебе непременно обращусь, но давай не сегодня... Договорились?

– Как скажешь....

Андрей уехал, а Дима начал читать книгу Михаила Булгакова, начав с романа «Мастер и Маргарита». « В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца ирода великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат...».

Михаил Булгаков продавался лучше, чем Осип Мандельштам, Дима за три недели продал восемь книг. Он не ломил цену, «Андрей хочет тридцать пять рублей за книгу, а я буду....., продавать гибка. Есть возможность продать книгу, за сорок рублей, хорошо, есть возможность продать за сорок пять, отлично, продал книгу за пятьдесят рублей, великолепно», – так размышлял Дима, получая деньги за очередную книгу, которую он продал в районной библиотеке, на Кантемировской улицы. Женщина отсчитала ему пятьдесят рублей, со словами благодарности, и Дима их спокойно взял, хотя понимал, что женщина-библиотекар, живет не богато, что у нее зарплата совсем не большая и что у нее на руках наверное, большая старуха мать, да еще двое малолетних детей. Эта последняя продажа книги Михаила Булгакова, заставила его задуматься. Да он получил прибыль, в размере пятнадцати рублей, да он молодец, теперь он стал «богаче», на пятнадцать рублей. «Сколько водки можно купить», но ощущение у него, было противное. Как будто, он обокрал ребенка, как будто, он ограбил нищего или обидел убогого. «Деньги не пахнут»– успокаивал себя Дима, но ему, почему то было совсем не весело, или как говорит, современная молодежь, «ни по кайфу». Эти пятнадцать рублей, полученных с бедной библиотекарши, жгли ему руки. Размышляя на эту тему, он решил проявить милосердие и отдать часть полученной прибыли в церковь.– « Отнесу десятину в церковь, пусть это будет Елоховский Собор». – « Где он у нас в Москве находится, а у метро « Бауманская». И Дима поехал в Елоховскую церковь. Этот поступок был странный, потому что, недалеко от того места где он жил, был красивый храм, но его видимо Диме, было мало.

В храме, Елоховского собора, шла вечерняя литургия. Дима тихо стоял с правой стороны от служителей, которые пели и молились во славу Христа. Он взял из кармана два рубля и уже приготовился положить их в церковную копилку с большой прорезью посередине, когда почувствовал, что делает не то. « Я отдаю десятину Богу...., а получают ее, попы....а бедная библиотекарша..., что она получит. Попы, что эти деньги передадут в руки библиотекарше, что ли? ». Он понял, что надо делать.

Когда он вошел в библиотеку, женщина, купившая у него книгу, собиралась уходить домой. Дима, быстро подошел к ней и протянул деньги в размере пятнадцати рублей.

– Вас как зовут, – начал он...

– Зинаида Павловна.

– Зинаида Павловна, возьмите, пожалуйста, пятнадцать рублей...

– Почему? Что – то ни так? Молодой человек, я не хочу возвращать Вам книгу, я ее уже у Вас купила, если там....

Берите деньги Зинаида Павловна. Когда я продавал Вам книгу, то ошибся. Она стоит тридцать пять рублей, а не пятьдесят... Извините.... Возьмите деньги.

И Дима, протянул Зинаиде Павловне пятнадцать рублей в третий раз. Она, наконец взяла их, и со словами благодарности, поцеловала Диму в щеку.

Домой он шел с таким замечательным чувством, которое у него было в последний раз много месяцев назад. Да, это было месяцев восемь назад, тогда тяжело заболела Ляля, и Дима ее лечил. Он бегал в аптеку, растирал Лялю новейшими «растирками», поил ее лекарствами, и беспокоился о ее здоровье, как о здоровье Президента страны. Тогда он чувствовал то же самое, что и сегодня.

Где то в конце июня, Дима, взяв отпуск, устроился на работу по доставке железнодорожных билетов на дом, в Центральные железнодорожные кассы (ЦЖБ) города Москвы. Работа была тяжелая. Надо было вставать в шесть часов утра, ехать на Комсомольскую площадь, к трем вокзалам, и получив заказ, а это было не меньше сорока, а то и пятидесяти конвертов, содержащие внутри железнодорожные билеты, развозить их по клиентам, которые, сделали эти заказы по телефону. Платили не много, восемьдесят рублей в месяц, но чаевые, чаевые были замечательные. Дима зарабатывал в день от двадцати, до пятидесяти рублей! Уставал, правда, ужасно, но появились деньги, хорошие деньги. Я оговорился дорогой читатель, не развозить, а разносить. Район доставки у Димы начинался от метро «Белорусская» и заканчивался Серебряным бором. И это все пешком. Улицы: Пресненский вал, Электрический переулок, Грузинская, Тишинская площадь, Зоологическая улица, Красная Пресня, улица Замаренова, Рочдельская, Девятьсот пятого года, Звенигородское шоссе, Шмитовский проезд, Мукомольный проезд, это самая малость, Диминого маршрута. Беговая улица, Хорошевское шоссе.... и много еще разных улиц и переулков..., не хочется дальше утомлять читателей бесконечным перечнем, поверти, у Димы была серьезная, физическая нагрузка. Он заканчивал работать очень поздно, и приезжал на Кантемировскую, едва волоча ноги. Принимал душ, выпивал водки, чем – то ее закусывал и падал в постель, отрубаясь до шести часов. А утром, опять был в Центральном железнодорожном Бюро, на трех вокзалах. Он похудел, осунулся, но упорно работал, по доставке железнодорожных билетов для жителей города Москвы.

Через месяц такой работы, у него скопилась не плохая сумма денег, в размере полутора тысяч рублей. Но, Дима, продолжал работать, не смотря на то, что отпуск кончился. Он работал в свои библиотечные дни, в выходные, в отгулы, полученные за работу на овощной базе. Он понимал, что это шанс, немного поднять свое финансовое положение. «Придет осень, заказывать билеты по телефону никто не будет, закончиться летний сезон, вот тогда и отдохну». В это время, он не встречался ни с кем, хотя его знакомые девушки названивали ему. « Не когда», – отвечал он им. И яростно, продолжал доставлять железнодорожные билета советским гражданам, отправляющиеся отдыхать в теплые края.

Так прошло почти все лето, Дима заработал около двух тысяч рублей. Эта очень приличная сумма денег по тем временам. На эти деньги можно было оплатить, первый взнос, на строительство двухкомнатной кооперативной квартиры в Москве.

Как то, после доставке, возвращаясь поздно вечером на Кантемировскую улицу, он застал в квартире Галину Ивановну с Андреем. Дима был очень усталый, и сначала не обратил внимание на их внешний вид. Он вышел на кухню, «треснул» водки, которую предложил Андрей, и

закусил каким – то бутербродом. Потом, Дима, выпил еще, и только тогда, внимательно посмотрел, на Галину Ивановну, сидящую, против него. Галя была слегка пьяна, волосы сильно растрепаны. Губы, ее полные губы, были все, иссини красного цвета, а на шее, был свежий засос, как у тинэйджерочки. Она глупо улыбалась, и все пыталась, сказать что-то. Андрей был красивый как рак, и тоже выглядел странно. Его белая рубашка была застегнута на все пуговицы, но с перекосом, выдавая, что сие застегивание происходило очень поспешно. Все молчали, и Дима налил еще себе водки. После работы, (доставка билетов), он, обычно, был голоден как «волк», поэтому пользовался ситуацией.

– Димон, ты извини, что мы к тебе в такое время...., ты, наверное, устал..., а мы вот у тебя на кухне сидим и мешаем тебе спать. Правда, Андрюш?

– Да, ладно ребята, я всегда рад Вас видеть...

– Правда? Вот видишь Андрюш, а ты опасался, что Дима будет не доволен.... Дима мой друг, и он всегда доволен... видеть меня.

Дима еще выпил водки и насадил на вилку большую сардельку и стал ее жевать.

Галина Ивановна, бесцеремонно положила свою оголенную ногу на колено Андрея, и начала в засос целовать его в губы. Андрей пытался увернуться от нее (видимо ему было неудобно перед Димой), но Галя крепко держала его руками и губами. Дима положил вилку с недоеденной сарделькой и налил водки в граненый стакан. Он всегда так делал, когда сильно расстраивался. Резко напиться, что бы ни видеть этого всего «безобразия». Но водка сразу не действовала, и он продолжал видеть, как руки Галины Ивановны скользнули вниз и начали открывать молнию джинсов Андрея. Дима налил еще пол стакана водки, но его действие не произвело на Галю и Андрея никакого эффекта. Рука Гали уже была под молнией, и Дима увидел, что красное лицо Андрея, стало еще краснее и хриплые стоны стали вырываться из его зажатого, губами Гали, рта. У Димы не было сил смотреть на это прямое «блядство». Он встал из за стола и не твердой походкой пошел в комнату и не раздеваясь лег на кровать. После его ухода с кухни, стоны и звуки лобзания усилились. «Ну и хрен с ними, пускай тешутся, меня нет, я ни чего не вижу...., я устал и мне надо отдыхать...., надо спать, – накрыв голову простыней, терзался Дмитрий. – Но как спать? Когда этот сейчас будет трахать, твою любимую женщину. А тебе что, ты сам их познакомил, вот и терпи.... Не хочу терпеть, сейчас встану, и набью морду, Андрею..., а Галину Ивановну выгоню на лестницу...., пусть там очнется, отрезвеет, совсем стыд потеряла...». Дима провалился в какое то забытие, он вроде не спал, но и не бодрствовал, все таки пятьсот грамм водки сделали свое дело. Сколько он так пролежал, он не понял, только когда он захотел встать с кровати, то не смог, а просто сполз с нее на пол. Полежав так с получаса, он пополз в направлении кухни. На кухонном диване Андрей, откровенно, трахал Галину Ивановну, притом это действо, Дима наблюдал с пола. Галины ноги содрагались в так, Андреевых телодвижений. Его джинсы сползли, оголив волосатую задницу, которая вся была сжата и ритмично дергалась с его членом уходящим раз, за разом в прекрасные врата Галкиной нефритовой чаши. Они уже стонали вдвоем, и даже не стонали, а выли, как мартовские кошки, то очень громко, то, с такими воплями, от которых все содрагалось внутри не только у действующей пары, но у Димы. «Ах, как им хорошо». От этой картины, у Димы сжались кулаки, и он хотел кинуться, и убить их, но не смог даже встать. Он попытался подняться, но ноги, его совершенно не слушались и он валился на пал. Тогда он стал с криком, бить кулаками в пол. Он хотел разбить свои руки.... или пробить пол.... Он хотел умереть и одновременно, увидеть, как умирает Андрей, подавившейся, косточкой из вишневого варенья, или сбитого автомобилем. И как заплаканная Галя, идет за его гробом. Он начал кататься по полу, как солдат потерявшей две ноги, во время безумной атаки, на безыменную высоту, во время войны. Он выл и стонал, он матерился и плевался. Наконец забился в какой-то дальний, темный угол квартиры, опрокинув на себя, какое – то кресло с подушками... , и зарыдал. Никогда в жизни, он так не плакал, это были слезы отчаяния и горькой обиды.

После этого случая, Дима понял, что бесконечно устал, от своей скрытой любви к Гали, от доставки..., и вообще от всего, и что надо отдохнуть. Но, отпуск и все отгулы, были использованы, под работу, в Центральном Железнодорожном Бюро. Оставалось, поехать в колхоз. В те годы, научных сотрудников, легко отправляли в Подмосковье на две недели, для помощи в сельском хозяйстве «отсталых» колхозов. Дима попросился, ему не отказали. И вот он едет с группой интеллигенцией в Подмосковный колхоз, кажется это место называлось Ярополец

Погода великолепная, работа простая, ворошить зерно на току, подбрасывая деревянной лопатой золотистую пшеницу на ленту транспортера. А вечером сидеть у костра, попивая водку, а потом горланить песни, обняв первую попавшуюся дивчину. Ой, хорошо. Нет тебе изнурительного вставания по утрам, когда спать так хочется, что ни какой будильник, ни какой телефонный звонок сестры или матери (Дима, часто просил своих родных будить его по утрам телефонным звонком) не может тебя разбудить, а потом доставка билетов, часов до десяти вечера. Когда сил совсем нет, вернуться обратно к Центральным кассам, на площади трех вокзалов и отчитаться за проделанную работу. И возвращение на Кантемировскую к часу ночи. Ох, и тяжело достались Диме эти две тысячи рублей.

Сколько всяких случаев было на этой доставке, все и не описать. Однажды, Дима принес билеты в самую настоящую «малину» Сидела за столом, как ему показалась воровская шайка, и пила водку. Когда Дима это понял, отход ему из квартиры перегородил огромный детина с испитым лицом. «Водки выпьешь», – спросил детина, видимо главарь «малины». Дима смело ответил что выпьет, а сам подумал, «что сейчас его кончат будут», у него в это время на руках было, где то три тысячи рублей, за проданные железнодорожные билеты. Но все обошлось, Дима выпел водки и «главарь» выкупил у него билеты на сумму в сто двадцать рублей. При этом еще дал на чай три рубля. Когда «главарь» покупал свои билеты, он попросил одного из своих подручных, дать ему «срок», Дима не понял, что главарь имел в виду. Оказалась «эти ребята», так называли двадцать пять рублей. До этого случая, Дима знал, что эта банкнота может называться «четвертаком» или «углом», но что бы «сроком». В советское время самое длинное тюремное заключение было двадцать пять лет, видимо это пошло от сюда.

Как – то Дима, принес билета в одну из Московских квартир, на Беговой улице. Было воскресное утро, а Дима уже звонил в входную дверь. Ему долго не открывали, и он собирался оставить извещение, «что, мол, приходил агент по доставке железнодорожных билетов в девять часов пятнадцать минут». Для подстраховки он позвонил в соседнюю квартиру. Дверь распахнулась. На пороге стояла блондинка небесной красоты в коротком халатике, едва прикрывавшей, ее великолепное тело. От нее слегка пахло алкоголем.

– Тебе чего... надо, звонишь в дверь, не свет, не заря?

– Да, я вот билеты вашим соседям принес.... Вы не знаете где они...?

– А кто же их знает, сегодня воскресенье, наверное, на дачу уехали.

– Как на дачу, они билеты заказали..... – Дима посмотрел на заказ, - станцию назначения, вот смотрите, – Адлер. Девушка подозрительна, посмотрела на заказ, потом на Диму и сказала.

– Я их давно не вижу и не слышу. Они очень шумные соседи, то громко разговаривают по телефону, то громко музыку включают, а последнюю неделю, тишина у них в квартире.

– Тогда, сможете, передать, вот это извещение вашим соседям, а то знаете какие есть, - объяснял Дима, – дома их нет, а потом звонят нам в Центральное железнодорожное бюро, и вопят, – « где наш заказ, целый день его прождали, а билетов нет...»

– Я право не знаю..., но зайдите и объясните мне, еще раз, что надо сделать?

Дима зашел к ней в квартиру и передал извещение, объясняя, что надо передать его соседям, когда она их увидит.

– Поняла? Спросил Дима, и собрался покинуть квартиру, хотя девчонка ему безумна нравилась.

Девушка ответила, «что поняла», а потом, покраснев до своих маленьких нежных ушек, спросила.

– А Вы молодой человек не сходите в соседний магазин, не купите мне бутылку сухого вина, а то вчера у моей подруги было день рождение, и так врезали...., что сегодня голова болит.

Дима очень внимательно посмотрел на нее и все понял. Через десять минут, он вернулся с двумя бутылками сухого вина и бутылкой водки. Они сидели на кухне и Даша, девушку звали Даша, рассказывала Диме, что она работает на фабрике «Красный Октябрь» в шоколадном цеху (на столе, и правда было много разного шоколада, и в плитках, и в батончиках, и в сахарнице, тоже был шоколад). Что родители ее на даче, и что ей двадцать лет, и что ее никто не любит, потому что ее друзья все поступили в институт, и теперь студенты, а она видимо не удачница.... Дима подливал Даше вино в большой фужер, и Даша пила вино, как минеральную воду и быстро пьянела. Дима и сам через полчаса был не очень трезвый, и разглядывая Дашу, да нет, не разглядывая, а пожирая ее своими глазами, думал,– «как иногда в жизни классно получается, вот так несешь билет неизвестно кому, надеешься получить свой рублик..., а получаешь вот такую ситуацию...». Халатик у Даши все время распахивался, и она своей ручкой, все время подхватывала его. Но после четвертого или пятого фужера вина, Даша перестала это делать, и Дима увидел, роскошный, упругий девичий живот и... Да дорогой читатель, на Даше не было трусиков, и на Диму смотрел удивительно красивый, черный треугольник. От этой картины, Димин боец, вздулся со страшной силой и готов был разорвать джинсы, которые его сдерживали.

– Представляешь Дим, никто меня не любит, даже родители, они во мне разочаровались..., – Ты не поверишь, еще два года назад, они во мне души не чаяли, так меня любили..., а теперь после провала экзаменов в институт...., полное отчуждение. Как будто я виновна, что какой то урод, поставил мне двойку по математике. И теперь вот это все – и здесь Даша, быстро вспрыгнула на стул, и закрутила своей попкой, перед глазами Димы, – никому не нужно. А всем нужно,– и Даша ловко села Диме на колени, – нужно только, студенческий билет и зачетную книжку....-. Дима впился своими губами в пухлые губы девушки, а его руки через мгновение, уже ласкали спину Даши, чуть выше попки. Она ответила ему, такой пылкой страстью, которой Дима не ожидал. Он подхватил ее на руки и отнес в комнату, бросив ее на большой диван. Он входил в нее с трепетом и силой, притом старался не сделать ей больно, своим огромным солдатом, ее нефритовая пещерка была такая нежная, такая миниатюрная. Но через пару минут, ее чудесные врата адаптировались к Диме, и ему только оставалось удивляться, как его боец, полностью исчезает в чудной пещерке. Дима сбился со счета, сколько раз он раздвигал Дашино лоно. Очнулся он тогда, когда в дверь позвонили. Даша сразу спрыгнула с дивана на пол, и побежала на цыпочках к входной двери. У двери она замерла и посмотрела через глазок наружу, потом показала рукой, Диме, что бы он, молчал, и вернулась обратно на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.